

И л ь я Р Е В И Ч

БИРОВИДЖАНСКИЕ ГРЁЗЫ

Издательский дом
«Частная коллекция»
Хабаровск 2009

ББК 84(2Рос=Рус)7
Р13

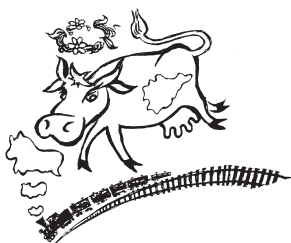
Ревич И.М. Биробиджанские грёзы. — Хабаровск.
Р13 Издательский дом «Частная коллекция». 112 с. 2009 г.

ISBN 978-5-7875-0085-1

Иронические размышления о непрошедшем прошлом, о человеческом уделе, о любви...

ББК 84(2Рос=Рус)7

© Ревич И.М., текст, 2009
© Евгеенко А., оформление, 2009
ISBN 978-5-7875-0085-1 © Издательский дом «Частная коллекция, 2009

СТАНЦИЯ БИРОБИДЖАН ВПЕРВЫЕ

На станцию Биробиджан я прибыл по разнарядке переселенческого агентства в суровые послевоенные годы за пару месяцев до своего рождения. Привезла меня мама еще в своем животике, поэтому, как говорится, день прибытия я помню неточно. Наша кормилица корова Белка приехала с нами из далекого северного Крыма, она была из стада еврейского колхоза «Соцдорф», который в годы войны был уничтожен захватчиками и полицией, а большая часть колхозников оказалась на дне глубокого татарского колодца. Та часть, что осталась от колхоза «Социалистическая деревня», поездом поехала в далекие края. Полицаев повезли туда же, но в другом поезде. И им не дали коров. А нам дали — как государственную премию за правильный географический выбор. Наша спасительница вместе со своими «подругами» ехала в специальном вагоне для

скота в хвосте длинного эшелона. Отец на больших остановках бегал ее кормить и доить. Белка спасла нам жизнь. И если не всю, то какую-то важную ее часть. Поэтому корова стала для меня не только кормилицей; она стала объектом моего пробуждающегося сознания. Я теперь не могу представить первоначально осознанный мир без ее образа. Тут не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что весь мир может быть запечатлен в обычной, но любимой корове, а не только в формулах Эйнштейнов и Лобачевских.

От коровы вкусно тянуло теплом. Бабушка выводила ее на ближайший луг, и мы смотрели на утомленное солнце, любовались нашей беленькой и ласковой коровой. Корова смотрела на нас: на бабушку, на Биробиджан, на ручеек, струящийся меж берез и тополей. Этот ручеек соединял два болотца, и мы однажды все втроем увидели в журчащей воде серебристого карася.

Вполне возможно, это была священная корова, по крайней мере, такое предположение еще никем не опровергнуто. Я же это понял окончательно, когда впервые попал с бабушкой в синагогу. Но было уже поздно, я перезрел. Мне было около шести, я был уже язычником, в том смысле что во мне просыпалось неканоническое религиозное чувство: Бог и Дух Святой и ласковость парнокопытных, субстанция животворящего тепла, растворившаяся в воздухе биробиджанского детства, слились для меня в единое целое.

БИРОБИДЖАН В СЕРДЦЕ МИРА

Вообще, с одной стороны, Биробиджан был для нас железнодорожной станцией на краю ойкумены, а с другой — центром мира. Мог же Осип Эмильевич Мандельштам, по пути следования из яблочного Воронежа в пересыльную тюрьму ясного и безоблачного Хабаровска, выйти из вагонзака на биробиджанский перрон и, сладко затянувшись сигарочкой, любезно протянутой ему конвоиром, сказать с глубоким чувством: «Вновь пахнет яблоком мороз...». Нечто подобное мог прочувствовать и прикольный Никита Сергеевич Хрущев в просторной рубашке с оригинальной вышивкой. Он мог живо спрыгнуть на тот же перрон из своего правительственного вагона и сплясать гопака. В конце концов, не мог остаться равнодушным к пению сладкоголосой птицы счастья завтрашнего дня и Ким Ир Сен, вальяжно спустившись в бронежилете со своей нежной Чучхе, с бронежилеткой через плечо, по позолоченным ступенькам литерного бронепоезда на наш заплеванный перрон. Да, здесь каждая шпала кое-кого и кое-что помнит. По этим шпалам убегали далеко на Запад не только сходящиеся на горизонте рельсы, но и наши мечты.

Железная дорога была той пуповиной, которая связывала наши детские и юношеские грезы с бескрайней страной. Железная дорога в России является — а для нас тем более была — чем-то бóльшим, чем просто магистраль. Это мерцаю-

щая нить, ведущая в большой мир великих свершений из нашего ангинного детства. Можно было мечтать, уносясь грезами в большой мир, стоя как вкопанный в святую землю родного города, а можно было на поезде доехать до самой Москвы, что мы с мамой и сестренкой однажды и сделали. В Москве можно было пойти в известный на всю округу мавзолей. Помню, когда мы стояли в длиннющей очереди в Александровском саду у самой Кремлевской стены, к нам подошла какая-то женщина и нервным шепотом сказала, что не надо нам ходить в эту преисподнюю. Что вождь — это не вождь, а дьявол, что много бед от него пришло в нашу русскую жизнь, и еще что-то подобное она говорила. Помню испуг мамы — как она отшатнулась от этой женщины и сказала ей что-то обидное. И как шарахнулась от маминого компривета эта, с антикоммунистическим приветом, непонятная женщина. Мы пошли своей дорогой, а эта женщина — своей.

А в преисподней было классно, мне там очень даже понравилось. Это было прикосновение к чему-то необычному, к туманному мраку социальных тайн. В те времена я был убежден, что побывать в торжественном подземелье и вдохнуть целительный бальзам классового чутья должен был каждый пионер и октябренок. К настоящему времени я очистился от этого «бальзама», однако вижу, как он пользуется массовым спросом и как широко распространены в нашем народе идеи о том, что Каин Авелю другом, товарищем и бра-

том быть не может. Не говоря о всяких там Джорджах Соросах, тем более этот Сорос только на излете второго тысячелетия нашей эры прислал в Биробиджан миллион условных единиц на проведение курсов по повышению квалификации, а фактически — для безусловной вредительской акции среди молодых учительниц — ангельских тургеневских созданий, этих странниц полей, лесов, лугов, сладко засыпающих в медвежьих объятиях своих мужей и друзей — белозубых и широкоплечих трактористов и банковских менеджеров. Что может быть общего у полувоздушных прелестниц с этим прожженным бесноватым пропагандоном тамошней, так сказать, свободы и демократии, а фактически бездуховного общества открытого потребления?

Вопреки всяческой пропагандуре, многие наши соотечественники считают, что лучше общество закрытого потребления, а еще лучше — общество открытого истребления, чем общество потребления с его бездуховностью и меркантилизмом. Если нас сама история поцеловала в животик по поводу этой самой высочайшей духовности и безупречного исторического выбора, нам следует высоко держать планку в сознании масс на уровне Великой Берлинской стены. Утверждают, что само Провидение указало, что нам нужно потребление в виде истребления. Например, истребление лесов — это потребление миллионов тонн бумаги для печатания трудов гениальных секретарей. Истребление умов — это потребление

тысяч километров колючей проволоки, которые нужно произвести в героических трудовых буднях.

Вопрос о потреблении не дает мне покоя с того момента, когда один заезжий клерк из отдела пропаганды ЦК компартии, конечно не Уганды, с пеной у ангельского рта мягко уговаривал преподавательскую аудиторию «не потреблять» песен Владимира Семеновича Высоцкого, потому что эти песни ничего хорошего для его благополучной жизни не предвещают. Помню, как, я, будучи лектором общества «Знание» уже в годы застоя-отстоя, приехал по командировке в какой-то передовой совхоз на окраине Биробиджана. В красном уголке свинофермы на стыке рабочих смен собирались статные и румяные молодые работницы, к которым приехала автолавка, своего рода магазин «Березка» на колесах. И тут началась бесстыдная акция, развязанная в разгар холодной войны с целью нашей капитуляции. Этим честным бойцам животноводческого фронта предлагались невообразимые французские духи, итальянские джинсы, бельгийские кофточки, английские туфельки и еще много всякой всячины, от которой мог слегка помрачиться рассудок.

Однако никто не впал в умственный ступор посреди жизнеутверждающего свинячьего визга; торговля шла по всем правилам едва-едва забрезжившей эпохи разрядки напряженности и Хельсинского Заключительного Акта. В конце концов, Шекспир тоже был кое в чем прав, поручив королю Лиру жесткую констатацию: «Сведи

к необходимости всю жизнь, и человек сравнивается с животным». Я, как мог, радовался покупательным возможностям и способностям трудового рубля, но, с другой стороны, зловещий червь сомнения не давал мне покоя. Неужели Бжезинский, этот столп американской военщины, прав, неужели эти чистые духом и телом, закаленные в огне стальных бурь, неподкупные труженицы так недешево продадут классовую первородность за хищные вещи века, не имевшие тогда еще никакого китайского следа? Неужели эта откровенно враждебная акция Вашингтона, умело спланированная ЦРУ и отшлифованная европейскими реваншистами, достигнет своей цели и модное нижнее белье, слегка спрыснутое французскими духами, заставит дрогнуть кое-какую жилку у мужественных парней, ставших вдруг нежными в минуту очередной потери своего боезапаса на демографическом фронте биробиджанского укрепрайона?

Конечно, Збиг нам не указ. В нашем отечестве есть свои пороки и пророки. И только легкомыслие может не признать то, что, если я не ошибаюсь, в прошлом веке одним радикальным писателем и политическим борцом было сказано: «Америка – параша, победа будет наша». Но я горжусь тем, что сказать такое в Биробиджане нашего детства и молодости никто не мог. Тем более при нашей красавице и гордости – любви всех мальчишек еще с пятого класса – златокудрой с платиновыми вкраплениями Люсе.

ПЕРВЫЕ БИРОБИДЖАНСКИЕ РАДОСТИ

О запахах душистого мыла, черного сапожного крема, сатинового галстука после раскаленного утюга, сопровождавшие нас все пионерское детство! Помню, на пионерский сбор к нам пришел необыкновенный гость – крепкий старикан, лысый и веселый. Он был знаменит тем, что на излете юности встретился и разговаривал с Лениным. Событие, перевернувшее его жизнь, случилось в Цюрихе, где ему довелось пересечься с вождем на неисповедимых тропах конспиративных странствий.

Итак, в муниципальной бане, скрываясь от гончих псов царизма, революционеры проводили совещание. На той исторической явке он взял у банщика две шайки, однако у какого-то рыжего мужика с характерным прищуром глаз и вальяжно протянутой правой рукой не оказалось ни одной. Подходит к нему этот рыжик и как рявкнет: отдай шаечку, батенька. А он не отдает; рыжий тянет на себя, а тот – на себя. Тогда обделенный сокрушенно говорит, мол, с такими неосознательными элементами трудно будет построить будущее всего человечества. Пронзил тогда нашего деда огненный пыл борца до самого дна меньшевистской души, проникся наш старикан в тот момент большевистской правдой. Особенно тогда, когда наш вождь, метая молнии и громы пророка, сказал, что в первой фазе коммунизма шаек и мыла нам будет, по всей вероятности, не

хватать, но особый отряд вооруженных рыцарей будет вести воспитательную работу по просвещению масс.

— Дорогие дети, следует сказать начистоту: да, действительно, когда началась знаменитая оттепель, захватившая ваше бурное октябратское и пионерское детство, наши идейные противники превратили эту, полную драматизма и возвышенного смысла, историю в пошлый анекдот, который распространяется сейчас в различных версиях в интеллигентских курилках. Но не верьте клеветам. Просто бывает такая правда, в которую трудно поверить, а это вам не шутки шутить, чтобы допустить такой разгул простодушия в условиях обострения нашего сурового времени. Указания вождя я принял близко к сердцу, поэтому уже в двадцатом году, перед заседанием парткома, вывалил в новороссийском мергеле новую кожанку, которую приобрел с братаном на толкучке в порядке обмена на пять гусей. Попрыгали мы на ней, потоптали сапогами, чтобы она приобрела пролетарский вид и дошла до кондиции. Ведь не мог же я прийти на заседание в новенькой: меня бы наши соколы и орлы в походных шинелях не поняли бы с первого раза. А до второго раза дело могло и не дойти, так как расстреляли бы меня за то, что я упал в буржуазную грязь с высоты пролетарского положения. Никакое альпийское снаряжение, в том числе и знаменитый «чекистский» крюк, мне бы не помогло. Враз пустили бы в расход.

И правильно бы сделали: будь я в тот исторический момент на ихнем самом месте, я бы так же поступил, потому что мы все были братьями по классовой крови. Дорогие пионеры, потом, уже будучи рыцарем вооруженного отряда, утверждая социализм в любимой нашей области, имея нешуточный пост, я по долгу службы нередко наведывался в моечный зал областной бани и посматривал, хватало ли всем шаек по справедливости, равенству и братству, чтобы ленинские заветы сталинским менеджментом выполнялись и перевыполнялись и частнособственническая ржа не разъедала наш фундамент. А эта ржа, родные мои пионеры, только и ждет, чтобы злорадно поржать и палки в колеса нашего локомотива прогресса вставить. Совсем недавно, когда меня бросили из департамента культуры — а банно-прачечное хозяйство проходило по этой линии — на аграрный комплекс, когда очередной самый верный ленинец, наш дорогой Никита Сергеевич приказал бороться с пережитками темноватого прошлого с опасным правоватым уклоном, я ходил по приусадебным участкам и боролся с лишними фруктовыми посадками, которые перерождением грозили. Ведь если бы удался большой урожай, то нужно было бы его продавать, а это прямиком вело к обогащению, то есть к капитализации масс и мелкобуржуазной трансформации нашей нации посредством — тьфу! — малого бизнеса. И вот, руководствуясь духом и буквой завещания вождя, мы на

эту фруктозу ввели космические налоги — космические, потому что эра космическая началась. А эра эта началась для того, чтобы «на Марсе яблони цвели», чтобы все было по-нашему, по-революционному. Такова решимость и воля великого класса: течет вода Кубань-реки, куда велят большевики! Вот куда мы замахнулись, а тут у себя под носом эти собственники деревья не вырубали.

А какой жест антисоветчины и нервотрепки для нас, пламенного авангарда, придумали диссиденты этикие, плетущиеся в хвосте нашего каравана! Стали ведрами кипятка орошать корни, а не рубить топором, как мы в свое время — гнилую интеллигенцию, пережиток прошлого которому не место в новой жизни. И застыли эти деревья как памятники наследия прошлых времен. Но заветам отцов мы следуем и боремся, чтобы всем всего было поровну: шаечек и мыла, и деревцев, и масла коровьего, ведь мы прогрессивному человечеству, всем людям доброй воли должны новый общественный строй построить на века, как завещал создатель нашего совнаркома — гарант вашего счастья. Поэтому мы впереди планеты всей по количеству счастья на душу населения по сравнению с Биробиджаном 1913 года. Вот только душ ненашенских развелось слишком много, пропорция нами отслеживается, с высоты нашего положения. Пусть не клеветают супостаты, что мы к концу века доведем уровень смертности фруктовых деревьев к уровню их прироста до кризисного показателя.

Все знают, что охота за ведьмами и призраками коммунистического будущего обречена на провал. Локомотив истории на нашей стороне. Ведь не оправдался прогноз английского истеблишмента о том, что призрак, или там привидение, нельзя увидеть вдвоем. Мы смеемся над этими ограниченными денди! А как же Маркс энд Энгельс? Разве не вдвоем, сидя в лондонском пабе, в ихней, так сказать, пивной, значит, увидели наши гении-провидцы, после седьмой или девятой кружки-подружки, этот великий призрак. И не только увидели, но и поймали его в сетку понятий, как модно сейчас выражаются, в парадигмально-концептуальный бредень. Мы утверждаем, что не только вдвоем, но и втроем, и вдесятером! И даже миллионы прогрессивного человечества могут увидеть призрак, например коммунизма, если им указать правильный угол зрения, что и сделал наш родной вождь. Который, между прочим, тоже не гнушался выпить кружечку живого. В этом самом Цюрихе. Выше голову, молодость мира, а молодым на кой черт этот отвлекающий маневр, эта фруктоза несущественная, эта капитализация масс, которым не до праздного времяпрепровождения, не до всякого там баловства и всяческого разложения? Рожденный ползать летать не может! Выше голову, буревестники нового мира! Вас ждут великие дела, сказал он и с глубоким чувством запел «Интернационал» на языке простого люда идиш.

Тут наша председательница пионерского отряда, наша гордость, наша Люся, платиновая блондинка, красавица и отличница, запрыгала от бесконечной радости на восхитительно полноватых ножках и с криком «Старик, ты гений, я тебя обожаю!» бросилась принимать почетного пенсионера в почетные пионеры, повязав ему пионерский галстук. Исторический дед растрогался, слезы брызнули на красный шелк, который затем был помещен в школьный музей. Под небьющееся стекло.

В ПОИСКАХ БИРОБИДЖАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Принципиальный разговор о поисках истины в национальном вопросе произошел у меня в годы самой первой молодости в вагоне-ресторане поезда «Москва—Хабаровск», когда мы отъехали от Ярославля. Сев за столик, где два пассажира попивали что-то янтарное, я заказал кое-что и себе, в том числе и ординарный портвейн. Познакомившись с попутчиками, один из которых был средних лет доцент из московской «железки», направлявшийся на научную конференцию в Новосибирск, а другой — молодой строитель Красноярской ГЭС, я сразу был уязвлен вопросом, обращенным как бы в пустоту: почему мы не имеем еврейских женщин среди гальванщиц, битумщиц, работниц кислотного цеха, укладчиц бетона? Ну, почему? Почему днем с огнем нельзя найти дочерей сионских, как сказал поэт, «с кайлами возле рельс, в платочках ниже глаз»? С нажимом спрашивал доцент самого себя, попивая что-то янтарное и молодцевато подмигивая своему застольному товарищу. Не сказать, что волна позора по поводу национального состава рабочих накрыла меня с ног до головы, но молчать дальше уже было нельзя.

— Ну, что сказать тебе, мой новый друг? Понимаешь, какая штука: еврейские женщины находятся в полном распоряжении еврейских мужчин, а эти хитрованы не пускают их на такую

работу. Они закрывают их, одиноких, соблазненных и покинутых, на ключ, который выбрасывают в море. А те рвутся, как тигрицы из клетки. Конечно, трудовой героизм воспитывается. Силой убеждения. Силой экономической необходимости. В конечном счете, силой любви, которая, как известно, и зла, и вдруг, и как бы впопыхах нагрянет. Возьмите великие стройки первых пятилеток. Кого там, в стройбатах и трудовых армиях, только не было: и на бетоне, и на землекопее, причем как по ту сторону колючей проволоки, так и по эту. Брось в меня мерзлый ком земли любовью, если я впал во власть завиральных идей, что не было дочерей Сиона на лесоповале или в кислотных цехах медеплавильных Дзержинских как под конвоем, так и расконвоированных. Поэтому я тебя спрашиваю, мой дорогой попутчик, что тебе так интересны еврейские женщины, что ты к ним прилепился? Обида, полагаю, у тебя какого-то исторического и истерического свойства, а не логика социального факта. Обида бессознательная, да и сознательная. Жестокая обида на власть, которая довела титульных и всех остальных мужчин и женщин до дури абсурдистана. Как же получилось, что этот фантасмагорический Нарцисс уничтожал, уничтожал, уничтожал наших красивейших и умнейших титульных мужчин, давил и давил? Повально. И вот, мой дорогой друг, после такого «повала» у нас и образовался дефицит мужиков-титульников. Меньше, чем надо, осталось тех, кто от души мог и титульную

бабу память в ее сладости и волшебной симпатии, и асфальт уложить на дорогу в светлое будущее, и бетономешалку на трактор засобачить, и погнать его в голубые горы и далекие просторы напрямиком на пик Коммунизма. И танк из болота вытащить — экономического, а потом проплаченным платежом через все таможни — напрямиком в пробуждающуюся Африку. Ведь наши братья по классу без танков, как шаман без барабана, одно посмешище представляют. Да и как без танка в эту ООН въедешь? Спасибо властям за наше счастливое бронетанковое детство. И за то, что теперь в Африке в каждом дворе стоит по бронетачанке, а поля ее «калашиться» от импортного социализма. За «калаши» — от нашего еврейского благотворительного общества — спасибо, отдельной строкой. А теперь, эх и ах, куда от него денешься — от этого «теперь»; после неистового Виссарионыча, после того социализма — одна надежда на мигрантов. Они тебе и твоей стране и детишек наклепают, и дома построят, и улицы подметут. Хотя отношение к ним, мягко говоря, неровное и даже нервное местами. Мне на днях один парнишка что-то нехорошее про мигрантов ляпнул. Мол, не нравятся они ему: зашел он как-то в спортивный зал, а они тут как тут. Была их парочка-тройка, после тренировки переодевались в душевой. Так ему показалось, что не по-нашему, мол, они пахнут. Пот у них, видите ли, не наш. Но это же блажь чистой воды, это искажение идей. А танки наши благоухали?

А идеи наши какой парфюм издавали? Не следует делать трагедию из того, что шаманы с барабанами понаехали из теплых дружественных стран и стали московскими дворниками. Непатриотично, мол. Нет, мои дорогие. Любишь апельсины из Марокко, люби и саму эту Марокку. Хочешь Африку, то и Африка тебя хочет. Должна быть в делах международной любви и торговли полная взаимность. И если ты на Кавказ в турпоход на стратегическом бомбардировщике собрался, то и Кавказ в твои подмосковные и приамурские леса приедет грибы и ягоды собирать, а не пустые бутылки и банки из-под пепси. Если ты в Среднюю Азию, то и она к тебе в среднюю Россию. Если ты поматросил и бросил красный восток на растерзание и произвол американского глобализма, то алеющий восток имеет полное моральное право потребовать с соблазнителя алименты.

А ты спрашиваешь, куда прячутся еврейские женщины, когда бугор-воевода дозором обходит вдоль Транссиба владенья свои. Где бывать им, сам подумай. В кабаках они сидят, не по-нашему галдят, пьют горькую и сладкую и нежат попку гладкую. Мой друг, ну почему ты столь задирист, что ты тащишь этих козочек отпущения на лобное место всемирной истории, в ее отечественный отсек? Да и вообще, заруби себе на носу, ежели без всяких околичностей: еврейские женщины учат своих мужиков правильно пить правильную водку и при этом хорошо закусывать.

Этот факт жизни нисколько не перечеркивает достоинств русско-украинских, русско-угро-финских и русско-татаро-монгольских женщин. Но почему же они не следят за своими, когда и сколько пить и как и чем закусывать? Почему, когда русские мужики хорошо пьют, их подруги хорошо закусывают? Какое-то неправильное разделение труда. Говорят, я не настаиваю на этом, но земля слухами полнится, что еврейские мужчины более послушны, более внушаемы, что они не столько выпить любят, сколько закусить. Может даже быть, что в еврейском мужике есть нечто бабье-женственное, нерастворимое до конца в «царской водке» мужского характера. Быть может, еврейский мужик больше русского держится за юбку, но не в том традиционно-знаменитом гоголевском смысле, который торчит в описании погрома в «Тарасе Бульбе», а в том смысле, который имел в виду мыслитель-скандалист Розанов.

Как известно, Василий Васильевич в своем чистосердечном признании в любви-ненависти к евреям договорился до ручки: мол, еврейская юбка и та тайна между ног, которую она скрывает, для еврейского мужчины имеют сакральный смысл. Короче, юбка прячет в себе нечто священное и возвышенное, а не просто цимес какой-то. Может быть, этот языческий рудимент, облагороженный иудейской религией, и составляет тайну еврейской неспособности бросать своих женщин в миазмы кислотно-аккумуляторного цеха. А может быть, вообще намекает даже на тайну еврей-

ской ментальности и на тайну их подозрительной живучести. Вообще-то все евреи берутся от евреек старым традиционным способом. И правильные, и неправильные. Поэтому, может, Адам и первичен в смысле «кто кого породил», «кого из кого сварганили», но в глубинно-жизненном смысле, конечно, первичнее Ева. Мужчина, как ни верти-крути, философически говоря, превращает женщину в животное, пусть даже прекрасное и возвышенное, а женщина, будучи высшим существом мироздания, по Божественному Замыслу, говоря высоким слогом, который здесь очень даже уместен, превращает мужчину-недочеловека в полноценного человека. Она та горизонталь, которая самим Богом назначена стать вертикалью. А мужик — та вертикаль, которая должна стать горизонталью — основанием жизни для женщины. Связь мужчины и женщины — это вечный крест, который вынужден нести Всевышний с превеликим удовольствием. Кое-что из этого удовольствия достается и нам, грешным. И не надо думать, что свою задачу еврейские женщины и еврейские мужчины выполняют успешнее других. Хотя есть и спецификации, посмотри в окошко вагонное: видишь, немало достойных русских парней переженились на дочерях раввинов, канторов, меламедов, месамедов, шойхетов. И что? Жалеют? Нисколько. Особенно во время застольного разговора с фаршированной рыбой в шабат и провозглашения хвалы Всевышнему. Я думаю, что отцы-раввины, отцы-канторы и про-

чие кванторы не жалеют, чтоб светлый замысел могла творить природа. Ведь, как правило, от этого перекрестного опыления и сопутствующего ему удовольствия получаются хорошие дети. А это же — самое главное. И что у них будет записано в паспорте, Богу абсолютно безразлично. На небесах нет отдела кадров с секретными папками. Хотя из-за потери бдительности появляются и самозванцы. Тогда начинается шум да нервотрепка по поводу так называемых «ложнорусских», «ложноправославных», но «истиннорусские» и «истинноправославные» знают, как отделить зерно от плевел. Не зря поговаривают в некоторых кругах о насущной необходимости построить для нашего народа, прежде всего для пенсионеров и по их настоятельной просьбе, идущей от самого сердца, ракетно-атомный авианесущий крейсер «Иисус Христос» и атомную подводную лодку «Дева Мария» по истинно православным чертежам.

Примите к сведению, мои дорогие пассажиры поездов дальнего следования, если есть на свете правильные евреи, то это, прежде всего, правильные еврейки. Их правильность в том и состоит, что они свою родословную, при всем уважении к Деве Непорочной, ведут прямо от Евы. А что было на уме у этой феноменалки? Соблазнение! Всевышний наградил Еву божественными формами и обалденным содержанием, предназначенными не для куража, а для чадолюбия и тяги к возвышенному. Это, мой друг, как раз тот

случай, когда физика Евы просто не может существовать без метафизики женственности. Сейчас любой тинэйджер знает, что без метафизической тяги к великой тайне ее прелестей кураж превращается в простое хулиганство. А хулиганства у нас хватает, и с качеством и количеством куража у нас есть проблемы. Куража у нас много, а потомства мало. Потомства мало, а водки много. Водки много, а денег мало. Денег мало, а водки все равно много. Но почему же, если водки так много, то ее все равно никогда не хватает? Другое дело, если ее в энергоэквивалент перевести, то мы и смотримся как великая энергетическая держава, оттого нам не до опилок. Это пусть упаднический Запад гонит нефть из загнивающих опилок. Хотя это уже смех на всю брюссельскую лужайку, ежели мы ее будем гнать из опилок, да к тому же из свежих. Потом у нас есть еще одна специфика: красота наших, то есть ваших, облаков, лесов, полей и рек — это страшная вещь, она тянет в бездну греха, работать уже не хочется. У вас, то есть у нас, — напомнил я мудрому доценту и симпатяге гидростроителю, — слишком много красавиц, что отрицательно сказывается на производительности труда, несмотря на высочайшую энергетику вашей, то есть нашей, духовности. Вот посмотри на эту зачиханную Европу: не на ком глаз остановить, инквизиция сделала святое дело, хотя и черное, и ушла. Крепко досталось, чего уж греха таить, прекрасному полу. Судорога жалости всякого держит в оцепенении по

поводу тамошней женской доли. А у нас, то есть у вас, инквизиции-то не было. Женщины как были красавицами, так и остались. Не лизали языки огненные их лебединые станы. Отрицательная селекция по женскому массиву в нашем отечестве не прошла. Я не говорю про отдельные случаи. А вот по мужикам каток прокатился — не дай Бог и прости. Вся агрессия всех властей, от трона до амвона, больше на мужское население направлена была. Тут селекция по мужскому народу прошла, как Батый по Руси. В Европе как было? Если разжигает дева страсть, то она есть агент дьявола. В этом случае разговор короткий: хворост, керосин, спички. У вас же, то есть у нас, если мужик голову на плечах имел, мыслить начинал, хотел быть хозяином своей головы, своих рук, своей земли, обретал чувство самостояния, то он сразу попадал в агенты Хазарии или/и Булгарии, Польши или/и Литвы, Англии или/и Германии, Эстонии или/и Латвии, Курбского или/и Мазепы, Троцкого или/и Черчилля, ЦРУ или/и Моссада. Перечислять устанешь всю эту братию, хотя, с другой стороны, агентура не пахнет. Короче, с мужиками разобрались, исполняя приказ о защите завоеваний. Какие завоевания? — не подлежало обсуждению. Завоевания, и все! Кто не с нами — разговор короткий: чемодан, вокзал — Париж; чемодан, вокзал — Нью-Йорк; чемодан, вокзал — Берлин; чемодан, вокзал — Тель-Авив... и так далее. Электричка останавливается на всех остановках, а до Харбина вообще — рукой подать

от Биробиджана. Заметь, географический выбор — это в лучшем случае; в худшем — ты должен был изменить демографическую ситуацию загробного мира. Теперь там с демографией — нет проблем. Ведь уроженцем славного волжско-свияжского городка Симбирска было сказано, как отрублено: защитить — значит зачистить. И чисто так стало — что вокруг Москвы, что вокруг Хабаровска, что вокруг Рязани и Орла, что в самом Биробиджане.

Попутчики выслушали меня, а потом, после глубокой паузы, доцент спросил, кем мама моя работает. Я ответил: врачом. Доцент от радости даже подпрыгнул на своей сидушке и душевно сказал, что нашу медицину евреи испортили и продали. Тем и поставил точку в разговоре, ласково посмотрев на меня, любуясь своим козырным фактом. Симпатьяга-гидростроитель этот факт подтвердил, икнул и решительно заказал еще триста граммов чего-то янтарного.

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПОВОРОТ ПОЕЗДОВ ДАЛЬНОГО СЛЕДОВАНИЯ

Не все сейчас знают, что профсоюзы являются, по словам мирового вождя, «школой коммунизма», а вагонный уют поездов дальнего следования был приготовительной школой антисемитизма. Если, по словам Станислава Лема, о его еврействе его просветило нацистское законодательство, то о моем — попутчики в поездах дальнего следования. Вообще с поездами многие связывают немало романтических переживаний. Подтверждением служат песни советских лет — «песни о главном». В железнодорожных путешествиях во мне навсегда поселилась праздничность поездов дальнего следования. В конце концов, в поезде, на всех парах примчавшегося из Москвы в Биробиджан, мог оказаться московский воздух.

В одной из таких поездок мне, десятилетнему, открыли простую истину, что я не просто еврей, но — жид. Случилось это в вагонном тамбуре дальневосточного экспресса «Хабаровск—Москва», где я был идентифицирован одним проницательным сверстником. Малый смекнул, что разношерстный люд, поднявшийся с перрона «хитрограда», как называл простой народ мой родной штетл, отмечен неблагодатью. Этот мальчик, обладая чувством вагонного юмора или взяв его напрокат у взрослых, пропел ребятишкам дразнилку, в которой говорилось о том, что наш паровоз вперед

летит, а в нем хитрожопый жид сидит и тихонечко пердит. О жестокость детского взгляда на мир! Не знаю, как бы я поступил, если бы пропетое повисло в гробовом молчании, если бы оно не отозвалось печалью и гневом в моей цыплячьей душе. Если бы не взрыв хохота всей ватаги... И тут-то оказалось, что моим эмоциям деваться некуда. Я кинулся на пацана с кулаками. Конечно, не в них дело, — какими могли быть кулаки у цыплячьей души? — а в энергии натиска, благодаря которому его тыква нанесла мощный удар по двери вагонного тамбура. Потом голову промокали ватой; были неприятности, которые улаживали взрослые...

Интересно, что два наших попутчика, рискнувшие, как и мы, сесть в веселый вагон, дядя Саша и дядя Аркаша, оценивали случившееся прямо противоположным образом. Дядя Саша говорил, что я не прав, драться нельзя, есть еще на свете глупцы, на них не нужно обращать внимания. Мир спасет доброта, зло не искоренить силой. Спиноза был прав, мой обидчик рано или поздно прочтает Эммануила Кенигсбергского, вступит в комсомол, проникнется идеями Нагорной проповеди гуманизма. Все станет на свои места, и на Марсе, как обычно, будут яблони цвести. С другой стороны, никуда не уйдешь от поражающей наповал правды: ведь, в конце концов, отходы жизнедеятельности человеческого организма будут сдувать пыль и на тропинках далеких планет — он, кажется, сказал что-то на-

учное — все и всегда. Мол, метеоризм бывает у всех наций и всех социальных слоев. Метеоризм — он и в Африке метеоризм, что, кстати, говорит о неоспоримом генетическом единстве человеческого рода. Антисемиты, конечно, преувеличивали, что у евреев он обычно облекается в злокачественную форму, поэтому им запрещали в средние века и при немецком нацизме посещать общественные бани и плавательные бассейны, а в годы борьбы с так называемым космополитизмом при великом отце и учителе нашей эпохи усилилась поисковая работа по выявлению неправильных евреев и пригвождению их к позорному столбу антипатриотизма, хотя имелся в виду, как я думаю, обыкновенный антиметеоризм. Выбрось это из головы: никакого государственного антисемитизма на самом деле не было и нет до сих пор. Просто так сложилось, что нужно было бороться с буржуями, и если они нечаянно оказывались евреями и, как правило, неправильными евреями, то начинался шум и тарарам. Мол, бьют бедных и несчастных. А фактически били за то, что ты можешь стать буржуем или его прихвостнем, можешь стать Гейтсом или Прохоровым, если не применить превентивные меры. Кстати, эти ребята совсем не евреи, но можно ли сказать, что им не повезло? Было дело: у моего дяди, брадобрея в Белой Церкви, что под Киевом, ножницы и бритву как инструмент классового господства комиссары конфисковали напрочь, чтобы указать ему правильную классовую позицию.

И не надо кичиться своей исключительностью. Ведь и русских били, если они имели лошадку и коровенку, и ослика в придачу. Как их называли? Кулачье-мужичье. Вот и деда моего друга донские казаки-хуторяне жидом стали называть, когда он захотел земляной пол в своем курене на деревянный заменить. Мол, не патриотично, так сказать, выпендриваться. Не по-нашенски. По крайней мере, если ты еще не буржуй, то можешь им стать, а тут ухо остро нужно держать. Ведь еврейство — это такая тонкая куколка, из которой может выпорхнуть обаятельная бабочка буржуазии. Или совсем наоборот: комиссары могут вылупиться. От этого евреи всегда какие-то выпорхнутые. Посмотри на Кагановича, крепкий был детина, недаром Московский метрополитен имени Ленина носил некоторое время после войны фамилию Лазаря. Лазарь или Владимир — какая разница, по сути, они — близнецы и братья, кто более матери (или мачехе?) истории ценен? Подземный мир имени Лазаря. Звучит? Звучит! Или система московских туалетов имени какого-нибудь выдающегося партгосслужащего? Однако представь: атомный ледокол «Каганович»! Звучит? Ракетный авианесущий крейсер «Рабинович»! Атомная подводная лодка: «Абрамович»! А? Так вот, били не за то, что некто был евреем, а за то, что мог наградить своим именем какую-нибудь гордость военно-морского флота. Ты думаешь, что философия имени — это фигли-мигли на пустом месте? Например, сам слышал по ра-

дио, что где-то в российской глубинке в доме на проспекте имени Красного Знамени трое ребят с криками «Аллах Акбар» устроили стрельбу из гранатомета. Так что, называть теперь этот проспект имени Зеленого Знамени? А Чернобыльскую АЭС именем Ленина назвали случайно? Отмываться-то от имен непросто. Но не всегда дело в имени: были случаи, когда могли дать по шее за то, что ты получил продуктовую посылку из Англии — за, так сказать, тайную связь с мировым сионизмом, как моя бабушка, жившая после войны в славном городе Омске. Ее после этой посылки на собрании трудового коллектива так пропесочили, что она несколько лет кряду писала письма английской королеве и, по просьбе компетентных людей, в американский госдепартамент о недопустимости вмешательства с внешней стороны во внутренние дела нашей стороны, так сказать, суверенной демократии. Бабушка посылку получила от двоюродного брата, унесшего ноги из Киева в 1920 году и ставшего добропорядочным лондонским клерком. А ведь этот бывший киевлянин не был буржуем, но погром в качестве профилактики провели как надо, причем сначала белые, потом красные. Белые били за то, что один из его братьев был с красными, а красные били за то, что другой его брат был с белыми. После такой куролесицы и перепутаницы почему-то хочется любому баловню судьбы перелететь на воздушном шаре через Ла-Манш, в крайнем случае, переплыть его на случайном

бревне... И ты не оправдывай кузена моей бабушки: мол, он все равно по велению и хотению своего сердца вступил в тамошнюю компартию. Знаем мы этих «сердечных» членов с их хотением и велением... Эти партии перерожденческие, они пошли на сговор с мелкой буржуазией, которую Пугачев с университетским дипломом по линии юриста не то что недолюбливал, но во времена пароксизма революционной страсти люто ненавидел, говоря, что от нее все социальное зло на нас катит. Может быть, это и так, ведь от марксизма до пароксизма рукой подать. Ты пойми раз и навсегда: дело не в том, что ты иногда бываешь евреем, а в том, что ты представляешь конкуренцию по своим притязаниям на какое-то значение. Например, в конструкторском бюро или в литературном издательстве, или на вузовской кафедре, или где еще... Например, играя в футбол с дворовыми ребятами и перехватив мяч у соперника, ты можешь получить в лоб простую констатацию: мало вас Гитлер перебил. И дело не в том, что твой соперник душой за Адольфа Алоизовича. Может быть — совсем наоборот, но, прости, с языка сорвалось. Или на товарищеском матче по баскетболу среди старшеклассников ты можешь прочесть на транспаранте, обращенном к израильской команде: «Счастливого вам Холокоста». Ну, и как к этому относиться? Спокойно, с юмором. Не всем этого юмора хватает, но это уже их проблемы. По крайней мере, антологию юмора еврейского народа в нескольких томах можно

взять в любой приличной библиотеке. Вот если встречаются еврей и антиеврей и последний вдруг плюет в лицо еврея, то тот должен утереться, улыбнуться и спокойненько сказать, что это, мол, не его проблемы, это проблемы его визави. И все. Я думаю, что Пастернаку юмора не хватало, слишком много у него было паучьей серьезности по еврейскому вопросу, когда он стал перед выбором: или он русский еврей, или он еврейский русак, точнее русофил, русобиблиофил и русоженолюбец. Ведь он не был и не мог быть советским. Заметь, продолжал дядя Саша, Аркадию Исааковичу Райкину было уже гораздо легче: он был по «пятому пункту» чисто советский. Но не до конца, ведь если бы он был до конца, то не отреагировал бы так болезненно в том же Киеве на выкрик дурковатого выкреста. Ну, выкрикнул из зрительного зала этот прохиндей, желающий понравиться новым корешам: «жид»... Почему бы не перевести все это в шутку, зачем так близко к сердцу принимать? От инфарктов нужно иммунитет иметь. Без него в Литературный институт, бывало, трудно зайти или подойти к книжным развалам на московских улицах или к лоткам в кое-каких храмах. Сам слышал не раз нервные разговоры на эту тему в общежитии института инженеров человеческих душ. Запал мне в память один перегретый уральский крепыш, оравший во всю глотку, что ничего русского в Пастернаке нет, а в его переводах Шекспира — тем более. Нет там никакой русской духовности, что

опутали русскую поэзию нерусские сети. Что ему уральцу, русскому поэту, не продохнуть в затхлой атмосфере ложнорусской оккупации и экспроприации. Серьезные люди мне говорили, что в отделе кадров одного приличного вуза в некоторых личных делах была пометочка: «ложнорусский». Неужто их вообще две Руси: одна — истинная, другая — ложная? Но что интересно: в шарашке или на зоне, если ты действительно годился в поэты и переводчики мирового уровня, в генеральные конструкторы или главные инженеры высокой пробы, то, будь ты хоть кто угодно — хоть даже еврей или ингуш, хоть даже армянин или цыган, — ты мог заработать авторитет уважаемого человека. И на войне, на настоящей войне, так же было. А вот в Ташкенте, говорят, было не так. Хотя я там не был, а на войне и в зоне — было дело, немножко побывал. Видимо, на краю пропасти «пятый пункт» исчезает, как белых яблонь дым. Все зависит от точки отсчета и сложения обстоятельств. Сейчас даже любому биробиджанскому ежику ясно, что бессмысленны эти нескончаемые разговоры — кто главнее: русский Бог или еврейский Бог? Особенно после той, ледящей все сосуды вплоть до крайнего капилляра, истории со Шмуликом и Алехой, прогретой на всю страну, благодаря биробиджанскому радио, которое постоянно глушили окопавшиеся то ли в Сеуле, то ли в Сайгоне сионисты. После всего того что случилось, этот вопрос можно навсегда закрыть. Сам подумай: эти

два друга, Шмуэль и Алеша, два неразлучных дружбана из нашей заводской бригады, после полочки так крепко поддали, что решили передохнуть в сугробе до утра. Конечно, жалко золотых парней: ведь каждый отморозил свой единственный и неповторимый, как говорят биробиджанские китайцы, нефритовый стержень, слава Богу, не до основания, причем у одного был обрезанный, а у другого необрезанный. Весь мир христианский и иудейский тогда содрогнулся. Что скажешь после этого о Боге? О его оправдании, так сказать, о теодицее? Сердце слезами обливается. Где был, куда смотрел, Всевышний? Да! Это предельные вопросы бытия – после них наступает тишина. Весь мир тогда притих, потрясенный.

Конечно, после этой истории можно поговорить о единстве русско-еврейской судьбы, о небывалой ранее новой исторической общности. О теологической бездне, которая равномошна человеческой судьбе. Можно даже сделать из этой истории моральные выводы и воспитывать молодежь в духе толерантности, интернационализма, антиалкоголизма, антиантисемитизма и величия науки. Слава Богу и новым нанотехнологиям из института Вейсмана, что находится на Святой Земле, парням помогли врачи без лишних границ. Негативные последствия того эксклюзива, потрясшего мир, были исключены абсолютно и напроць, ребята ныне счастливы, здоровы; все у них на боевом посту, работает еще лучше, чем до заморозки и отморозки. Поэтому заруби себе

на шнобеле-нобеле: если бьют буржуя, то не потому что он еврей или татарин, грузин или узбек, а потому что не наш он, в классовом смысле, человек. Он не вышел, так сказать, по нашему профилю. Это основная, первая, причина. Однако второй, вспомогательной, причиной тоже часто пользуются: потому что Христа подвели под монастырь не кто-нибудь, а евреи — «Они распяли нашего Христа!». Конечно, жалко распятого, ведь он тоже наш был. И нашего Сократа жалко, Джорданушку нашего Бруно тоже жалко. Ты посмотри исторический аналог: что творится в современном мире у греческих посольств по поводу отравления Сократушки. Страшно смотреть на разъяренную толпу, жаждущую мести. Отыграется эта чашка цикуты на судьбе потомков древнегреческого рода. А русофобии источник незамутненный в чем? В убийстве бедного Павлика Первого, любимого екатерининского сынка. Сам видел, как относятся к русским людям после всего случившегося в Михайловском замке. Видел эти развесистые гроздья гневной русофобии и в Гавре, и в Дувре, и во Львове, и в еврейском штетле близ Антверпена. Третьей же причиной могут пользоваться вместо первых двух. И спокойно их забыть. Может случиться, что некто оказывается неожиданно еврей и поляк одновременно. Значит, нужно выдавливать из себя по капле что-нибудь одно. И катить на историческую родину. Так вот, третья причина проистекает из того, что вообще-то человек существо не только

экономическое, политическое, религиозное, но и эстетическое. Человек жаждет красоты. Ну, не нравится мне, допустим, линия твоего носа или выговор у тебя такой, как будто ты рыбьей костью давишься-давишься, а до конца подавиться никак не можешь. Ведь не будешь же ты каждому объяснять, что у тебя произношение такое, что ты из-за своей дикции и интонации типа сорной травы среди отборного поля зерновых. Или грустные мысли о потере духовности у католиков наводит мне декольте рафаэлевской Мадонны, или то что ты чесноку наелся и черемшой закусил, а потом квасу от пуза напился, к тому же теплого. Бунтует во мне раздавленное чувство прекрасного. Что в таком случае делать? Защищать красоту. Биться за нее. Красота же — страшная вещь. Может же красота Моисеева Декалога или Суламифи вызвать вполне понятную реакцию. Захочется вдруг, ни с того ни с сего, поместить всех евреев в газовую камеру. А потом можно, например, наслушавшись Рихарда Вагнера, оказаться во власти неистребимого желания оккупировать Польшу. Можно же так проникнуться красотой славянских молодцев, что любая неславянская физиономия в кремлевской роте почетного караула будет восприниматься как прыщик в интимном месте. Есть многое на свете, друг...

Вот едет в соседнем купе один майор, славный белобрысый курносый товарищ, но когда он снял ботинки, то такое дикое амбре от его носков поползло по вагону, что хоть стоп-кран срывай.

А нельзя — штраф бешеный. Дешевле банно-прачечный вагон к составу прицепить за свои же деньги. И надо же было тому случиться! В то время, когда газовая атака была в разгаре, один из попутчиков этак полусуто-полусерьезно спрашивает майора: а вы, товарищ офицер, какой будете нации? Наш мастер по применению средств массового поражения так улыбочиво и доверчиво переспрашивает: что? Подозреваешь, сука! Мало ты на политинформациях по интернационализму бывал! Задушу на месте за грязные намеки! И вообще, за разжигание национальной розни пасть порву! За экстремизм ответишь по закону военного времени. Я бы довел это дело до логического конца, скажи спасибо, что некогда: меня одна пухленькая в Бердичеве ждет. Сладенькая такая, а как ее мама форшмак из сельди готовит, цимес один! Наш человек, Василий Васильевич Розанов, — нам о нем, их человек, генерал Соломон Кроб (или Краб?) из политуправления на курсах рассказывал, когда я в Германии служил, — меня бы понял и, думаю, поддержал. Если Василию в раю мечтался маринованный грибочек с прилипшими к нему усиками укропа, то мне порой в не совсем приличных снах желанная мечтается, распростертая на белоснежной перине у коврика с целующимися лебедями. Свидетельством искренности сказанного и прочувствованного боевым орлом была его хрустальная слеза. Вот так он героически срезал и чистейшим хрусталем доконал этого любознательного дудака.

Это потом мы узнали, что вопрошающий вообще глухонемой был на обоняние. Он просто так, по широте душевной, спросил про нацию — от полноты чувств, от радости общения с новыми людьми, считая свой вопрос поводом для начала доверительного разговора о перипетиях евразийского соблазна, о культурном диалоге и национальном взаимопонимании. Он был просто убежден, что вопрос про нацию является дружеским способом расположения человека к человеку. Ведь с чего-то нужно начинать разговор в поездах дальнего следования. С женщин, евреев или с американцев. Ведь они повсюду мутят воду. Не с несвежих же носков. А если учесть, что запахи — это важнейшая информация, то не со средств же массовой информации. Хотя некоторые душевные разговоры в душных купе на такую кашу в голове намекают, что хоть сразу рецептуру выписывай. В нашем же случае к носкам привыкли окончательно и бесповоротно, когда другой добряк-пассажир достал из маленького чемоданчика огромную бутылку «Столичной-Пшеничной». И такая благодать наступила в переполненном людьми и запахами купе, что сразу умелые люди перевели куда надо путевые стрелки, и наш бронепоезд на всех парах помчался в Бердичев.

Кстати, если ты еврей, — я уже не помню, понизил или повысил голос дядя Саша, — то это, что ни говори, жизненная правда, тут не убавить не прибавить. С этим надо жить и принимать этот ярлык к размышлению. Помню, на помин-

ках одного хорошего советского человека, дело было в славнейшем сибирском городе, его сын — тоже весьма приличный человек — призвав помянуть усопшего, попросил принять к сведению, что его отец, так уж получилось — не обессудьте, был евреем, но это отнюдь не перечеркивает его достоинств и положительных качеств. А ведь постеснялся сказать скорбящий, что батя его был не только евреем, но и прапраправнуком Шимона бен Карасика, легендарного просветителя из Литвы, с которым даже польский король не брезговал выпить чарку добрейшей водки. Я тебе скажу, между прочим, что племя баила, они из народа банту и кучкуются на севере Замбии и в университете Лумумбы, откуда я их и знаю и уважаю, любят повторять одно из мудрых изречений их генерального лидера нации, отца шестисот пятидесяти трех детей: «Можешь вымыться с головы до пят, но евреем от этого быть не перестанешь». И он абсолютно прав. На все сто. Тебя обязательно ткнут шинобелем в Тору и укажут на неблагоприятные поступки твоего жестоководного племени.

Оправдываться бесполезно, ссылаться на логику бесполезно, взывать к здравому смыслу бесполезно и даже Франца Кафку читать на ночь бесполезно. И не думай в будущем кафкать по еврейскому вопросу слишком эмоционально. Все это — бесполезно. Можно подумать, что у этого пражского парня все было зер гут с еврейским вопросом. Мучился, еще как мучился со сво-

ей идентичностью этот герр австро-чешский. Ты думаешь, история о превращении какого-то мужика в жука просто так, от нечего делать, написана? Нет, мой друг, это проекция еврейского бессознательного на товарно-денежные отношения послеверсальской Праги. А поэтому не строй из себя чистоплюя и краснобая. Ведь как ни крути-верти, быть евреем — дело естественное и историческое, то есть человеческое. Великий немецкий поэт Фридрих Ницше сказал бы: «слишком человеческое»; тем не менее делать из какой-то глупой фразы драму — значит подставлять маму, которой и так тяжело, как врачу, после чуть-чуть подзавянувшего, но все-таки вечнозеленого дела, которое касается театральных и музыкальных критиков, всех-всех работников культуры, сбежавших от санитаров в штатском в белых халатах.

Второй добрый попутчик, дядя Аркаша, был не менее красноречив. Он сказал: именно потому, что наш паровоз вперед летит, мы имеем полное право защищать свою честь. А мордобой — это классовая привилегия вне национальных границ. Мне даже сейчас страшно вспоминать, ведь можно поседеть от своих воспоминаний, но он мог же сказать: национально-государственный аттракцион. Чем хорош мордобой? Он хорош тем, что после него всегда возрастает умение вести беседу, после него повышается уровень договорной культуры и здорового адреналина в крови, после

него не грех выпить по чарочке от переполняющего тебя взаимопонимания. То есть от счастья. Вообще культура переговоров и договоров — это наше слабое место, какая-то невообразимая ахиллесова пятка. Поэтому мордобой — это, по словам зачинщиков нашей стальной идеологии, повивальная бабка истории, все великое в ней — от него, родимого. От него берутся все наши свершения и сильные духом и телом дети, которые есть наше будущее, куда и загремит наш паровоз. Он советовал мне отбросить пустые и бессмысленные интеллигентские штучки, всякие там призывы типа «мочить сатирой», «давайте жить дружно», «руки прочь от лица», «возьмемся за руки, друзья». И никакая религия нам не нужна. Нам не нужна христианская и иудейская слабость. Тут и дядя Аркаша помянул Фридриха Ницше. Поэтому нам не нужна в Биробиджане синагога. Что мы имеем от этой синагоги? Да, там хороший фруктовый сад. Да, допустим, там хорошие сливы. Ты посмотри, как тянутся дети с соседних улиц к центру духовной жизни города. Чтобы только слив поесть. А какая после этого чистая совесть?

КОЕ-ЧТО О БИРОБИДЖАНСКИХ ЖУРНАЛИСТАХ

Поехали однажды лучшие биробиджанские журналисты, чтобы стать еще лучше, в центральный город края учиться в Хабаровскую Высшую Партийную Школу. Как обычно, перед началом учебы их послали в биробиджанский совхоз на уборку картофеля. Урожай оказался выше всяких похвал, и задержались они там ровно на такой срок, за который у молодых крепких мужчин вырастает на радость большинства очаровательных и легкомысленных женщин шикарная борода.

Однако так устроена жизнь: что привлекает и вдохновляет одних, вселяет тревогу и протестное настроение у других. Вернувшись, ребята обнаружили, что вахтеры этого учебного заведения костью решили лечь, но не пропускать бородачей ни в общежитие, ни в учебный корпус. Сбрить и не выпендриваться! Таково было решение вахтерского профсоюза! Но не тут-то было! У журналистов оказался свой профсоюз. Тут следует сказать, что вахтерами-то были старые, траченные метаморфозами истории бывшие вертухай, хотя и кабинетные. И оказалось, что вертухай бывшим не бывает, тем более что у него бритый подбородок и блестящие пуговицы, а у журналистской братии подбородков не видно совсем, пуговиц нет, потому что все как один в свитерах на хемингуэевский манер, зато — блестящие бороды лопатой. Как тут найти общий

язык? Как говорится, нашла коса на каменный консенсус. И оказался крепким этот камень, да и коса не промах. Журналисты начали роптать, сбросились по трешке на сабантуй, чтобы отстоять свое право распоряжаться на свой лад тем, что природа дает, а иудео-христианский Бог, видимо, поощряет и не отнимает.

Однако шум разрастался, и опасные обертоны возникли, когда в пылу спора кто-то из бородачей-журналистов, уже в порыве безоглядного отчаяния, бесстрашно, но несколько опрометчиво сослался на имидж вождя всех вождей, основоположника идей вахтерского профсоюза — Карла и его друга Фреда, а другой возмутитель вахтерского спокойствия — с откровенным вызовом — на незабвенного Фиделя, красавчика-бородача с острова Свободы, с которым он, еще безусый, однако, ром пил в составе комсомольско-молодежной делегации на военной базе близ Санкти-Спириту во время дней советского балета на карибской сцене.

Вопрос о бороде, таким образом, был перенесен в плоскость большой политики. А плоскость эта есть все-таки, как вы понимаете, еще та плоскость. На ней очень даже непросто устоять и не поскользнуться, тем более — проявить самостоятельность и задуматься о достоинстве внешнего облика и внутреннего содержания. Что тут началось! Высшую Партийную Школу затрясло, да так что сейсмографы всего региона не на шутку всполошились. Эти ссылаются на принципы Декларации прав человека, принятой ООН,

те — на устав своих военизированных контор и корпораций. Эти — на выдающиеся исторические прецеденты, те — на бюро пропусков. Эти приводят аргументы о необходимости нового прочтения Маркса, Энгельса, Ленина, те — на свои заслуги перед советским народом, который был с колымской пропиской. Эти ссылаются на необходимость строительства социализма с человеческим лицом, те — на ум, честь и совесть ихней эпохи. Эти ссылаются, те ссылаются... Комиссия за комиссией. Проверка за проверкой. Хабаровское начальство. Московское начальство. Опять Хабаровское, опять Московское...

И вот, в разгар всей этой катавасии, Ректор Высшей партийной школы **з а с т р е л и л с я**. Хорошо, что пуля прошла мимо и оказалась не отравленной. Откачали, избавили от нервного потрясения, подлечили, на высший партийный курорт отправили в чехословацкую Карлову Вару. Парень ведь был хороший, с пониманием всей профсоюзной идеологии как журналистской, так и вахтерской. Но шок был настолько силен, что некоторые бородачи мгновенно побрились, а некоторые вахтеры моментально стали пропускать оставшихся бородачей через турникет. Вот только вышла одна заминочка: верные своей бороде бородачи могли пройти с успехом только мимо той вахты, которая стала относиться к ним лояльно. В противном случае им приходилось ждать, переминаясь с ноги на ногу, в тесном коридорчике, иногда до полусуток, пока не сменится уставший караул.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ РАДОСТИ В БИРОБИДЖАНЕ

Был ли в Биробиджане секс? Разумеется, был. Были ли в Биробиджане сексуальные скандалы? Разумеется. Но если подобные скандалы в свое время дискредитировали олимпийских богов, вследствие чего было много шума, то в любимом городе было тихо. Сексуальная жизнь у нас была, как и везде, естественной, противоестественной и сверхъестественной и протекала вдали от детских глаз. Правда, не всегда. Ну, куда от них денешься, например, в городском парке, где мы играли в войнушку и в казаков-разбойников? О сколько дневных и вечерних бабочек мы вспугнули в их самые счастливые минуты! В те моменты мне было стыдно за них, а сейчас мне стыдно за себя и за мальчишек.

Много шума в нашем мальчишеском мире наделала история с дядей Петей, веселым поваром из столовки железнодорожного училища. Этот дядя-весельчак имел обыкновение угощать мальчиков семечками, предлагая зачерпнуть горсть из кармана своих белых поварских штанов. Конечно, в этом не было никакого секса, однако он начинался тогда, когда улыбчивый дядя-повар предлагал запустить руку в другой карман, дырявость которого прокладывала дорожку к причинному месту. Дядя ржал и, видимо, получал кое-какое удовольствие, нам не по-

нятное. Так бы он беззаботно и жил, а в сладкие для себя мгновения ржал, если бы не загремел в тюрьму за использование мальчика из соседнего двора в каких-то подозрительных целях. Вот к чему приводит потеря чувства юмора в любовных делах, думали мы с Валеркой и Витьком, сидя на завалинке нашего барачного дома. Конечно, для нас, детей, это было потрясением, открытием непонятных и мрачных сторон жизни взрослых. И если мы не знали, что такое ад, то его серные зарницы полыхнули в наши детские души.

Полыхнуло на нас и с другой, более приятной и понятной стороны: однажды один продвинутый мальчик, чуть старше, пригласил друзей-пацанов к себе домой и познакомил с чудом техники середины XX века — настоящим катушечным магнитофоном. Другим потрясением было то, что на магнитофонной пленке был записан барковский «Лука Мудищев» в профессиональном исполнении. «Лука» нам дал какое-то представление о величии национальной идеи и первое знакомство с высокими технологиями той поры, благодаря бессмертной музыке Мусоргского. О рассвет над Москвой-рекой! Помню, как он плыл сквозь наши биробиджанские тополя. Что интересно, высокие технологии с тех далеких времен стали еще выше, но переплюнуть «Луку» в художественном смысле, полагаю, еще никому не удалось. И вот впоследствии, в часы свинцо-

вой бессонницы, я много думал, а, собственно, что тогда с нами произошло? Тогда, говоря высоким слогом романтической сексологии, мы потеряли невинность, но приобрели целый мир.

В этом мире кое-какое удовольствие получали и мы, дети еще дотелевизионной эпохи. Сейчас все знают и ни от кого не скрывают, что до определенного времени в нашем городе телевидения не было, но слухи о нем бежали впереди ветра прогресса, поэтому наша шаловливая дворовая детвора «смотрела телевизор», которого еще не было. Это означало вечерней порой, забравшись на какие-то ящики, прильнуть к окну мочевого зала женского отделения городской бани. Конечно, было стыдно, но как-то сладко-стыдно. Осколько Лолитс ободранными коленками и едва набухшими розовыми яблочками запечатлелись в нашем порочном сознании! Конечно, скрывая от мира свою больную совесть, я могу сказать, что изобрели «телевизор» старшие мальчики, а они, в свою очередь, получили это изобретение из рук, вернее из глаз старших пацанов, которые не знали слова «телевизор» вообще. Было слово, не было слова – это не имеет сейчас никакого значения. Этот факт не делает нас чище, и это не может быть оправданием. В конце концов, каждый остается наедине со своей сексуальной совестью. И если, как говорят папуасы с Северного Борнео, прекрасное существует только в глазах и

душе влюбленного, то и розово-нежная Афродита рождалась не в туманном чаду биробиджанской бани, а в глубине наших неприкаянных душ.

У этого монитора пробуждающаяся страшная сила пола приводила к далеко несексуальным последствиям. В частности, со мной произошла одна загадочно неприятная история, оказавшая отрицательное влияние на мое умственное развитие. В один из сеансов я увидел в клубах пара в тускло-желтом свете лампочки то ли Эдисона, то ли Яблочкина, то ли Ильича нашу учительницу химии. Электрический удар был столь силен, что в тот момент я возненавидел химию на долгие-долгие годы. Потом все прошло. А сейчас бы мне и химия, и учительница, несомненно, понравились, очень даже бы понравились. Тогда же, увы, в пору пещерных представлений о половом воспитании, бунта против всех девчонок, непонятного томления по идеалу, переоценки и, в большей степени, недооценки простых человеческих ценностей, в атмосфере всеобщей подозрительности ко всему нетривиальному и отсутствия хоть каких-либо намеков на квалифицированное объяснение тайны вечно женственного в духе Гете и Александра Блока, случилось то, что случилось.

НЕСОМНЕННЫЕ РАДОСТИ НАШЕГО ДЕТСТВА

Наряду с сомнительными радостями в нашем детстве были и несомненные. Радостью всех мальчишек был настоящий паровоз. Серии «Щ-420». Этот локомотив был многотонным учебным пособием в школе машинистов подвижного состава. И находился в нашем дворе, вернее мы находились в его дворе. Для нас он был не пособием, а другом. Этот паровоз был мальчишеским задором, местом времяпрепровождения детей. Я любил эту громадину темного и кое-где проржавевшего железа. Да, это было железо, но какое-то крылатое. Оно скрывало иные, волнующие миры. Поэтому всю последующую жизнь блоковское «Бывало, на ноже карманном найдешь пылинку дальних стран, / И мир опять предстанет странным, укутанным в цветной туман» связывалось у меня почему-то с этим посланцем дальних стран, у которого вдруг вырастали крылья.

Паровоз был не только высокой лирикой; он был и жесткой сермяжной прозой. Ведь именно в чугунном чреве сказочного чудовища мы познакомились с брошюрой «Как экономно пользоваться презервативами в условиях их острейшего дефицита». Там мы разбирали и собирали настоящий новенький трофейный немецкий автомат. Там мы научились курить; а куда было деться, если в училищной столов-

ке машинистов-паровозников во время летнего ремонта в какой-то кладовке мы нашли огромный картонный ящик с частично истлевшими папиросами «Север» или «Прибой», дым которых отдавал мышами, перепревшим навозом, плесенью погребя и цветным туманом будущих странствий. С этим чугунным чудом связаны и мои первые моральные терзания, возникшие по поводу жгучего классового чутья в нашем обществе. Муки начались, когда несколько наших мальчишек с меркантильной целью стали со страшным хрустом отвинчивать, отпиливать и откусывать у этого железного добряка латунные, медные и бронзовые части его многострадального еще живого тела. Оттащив куски полублагородного металла в лавку вторсырья, они получали глиняные свистульки, шариковые ручки, надувные шары и иную перерожденческую мелочь. Крылатая мечта стала добычей плотоядной реальности. Потом грезу разрезали на части и расплавили в какой-то доменной печке. Детство кончилось.

Несомненной радостью нашего биробиджанского детства был чудо-парк, омываемый двумя, а местами даже тремя рукавами волшебной Биры. В этом парке я впервые поцеловался с девочкой. В этом парке я впервые получил мощный «фонарь» под левый глаз, такой мощный, что до сих пор в минуты тяжелых раздумий у меня дергается глаз, но почему-то правый. В этом парке зимой мы бегали на лыжах, а летом купались

в бирских протоках. В этом дивном парке мы разъезжали на велосипедах по темным перед грозой аллеям. В этом парке мы разбрасывали по извилистым дорожкам пустые картонные коробки из-под обуви, которые ухарски стремились подцепить узким носком макасин взрослые парни, гулявшие с девушками, не подозревая, что в каждой из этих коробок лежит по полновесному силикатному кирпичу.

С нашим парком связаны и грустные воспоминания. В пылу мальчишечьей игры мы наткнулись в небольшом овражке, в кустах, на растерзанную какими-то подонками белокурую девушку. Она была мертва.

Светлым чувством отдавала история любви, случившаяся на наших глазах в начале седьмого класса. Эти двое с нашего класса, Сережка и Жанна, сидели на парковой скамейке и целовались. Они были чуть старше нас, так как пропустили год учебы из-за болезней. Так вот, в парке их застукала одна наша учительница. А потом было родительское собрание совместно с учениками. Учительница-разоблачительница вдохновенно говорила о недостойном поведении влюбленных, о недопустимой распущенности, о позоре, которым покрыли себя на вечные времена эти, опустившиеся до любви, дружбы и симпатии, молодые люди.

— Не все, что описал Шекспир, — кричала она, — советским школьникам подходит. У ита-

льянского народа в те мрачные времена не было таких великих целей, как у нас. Поэтому только от социальной темноты, во мраке безысходности могли разгораться такие безумные страсти, о которых поведал городу и миру английский поэт. Подумаешь, нет повести печальнее на свете... Гораздо печальнее, когда не понимают, ну просто не понимают, что нам есть от чего и для чего беречь девичью честь, нам есть на что направить юношескую честь, а не так называемую хочучесть. В конце концов, и то и другое могут мирно уживаться в рамках интенсивной общественной работы, а воздержание от любовных приключений является залогом успеха в учебе и спорте. В конце концов, если не вмоготу, то можно это погасить в спортивном зале, который открыт по субботам.

К нашей детско-юношеской чести, мы были на стороне любовников и Шекспира. Ведь парочка была очень красива. Это были не обиженные природой и Богом молодые люди. От Жанны исходил чистый запах рождающейся женщины, она, как богиня из пены, возникала из пьянящего запаха. Я по прошествии стольких лет думаю: быть может, именно этот запах и младоженская стать, эта благодарность телу, стремящемуся к счастью, столь раздражали нашу учительницу. О, это был урок, в виде родительского собрания на фоне педагогического преступления, которое произошло на наших глазах и ввергло нас в со-

стояние стыда за взрослых. Впрочем, тогда мне было не до них: я не сводил глаз с бледной и подавленной Люси, с ее восхитительной родинки на левой щеке, которую я поцеловал единственный в жизни раз только на пороге старости, когда, приехав по делам службы в родной город, встретил ее случайно на перроне вокзала. И я понял: Люся была для меня не обещанием счастья, она была самым настоящим счастьем.

НАЛИВАЛИ ЛИ В БИРОБИДЖАНЕ?

Жить в Биробиджане, имея возвышенный нрав, и не пить при этом сухого вина было просто неприлично. Хотя мое падение началось с водки. Первые 1,7637 унции водки, в честь завершения промежуточного этапа сельхозработ, мне налил друг всех мальчишек нашего двора удивительный дядя Коля, когда мне было четырнадцать. При сём имелся только самодельный квас с покрошенным зеленым луком и душистая краюха хлеба. При желании можно было это назвать окрошкой, а правильнее — пищей богов, вкуснее которой я в жизни никогда не встречал. Мне всегда хочется вернуться в тот день на исходе лета, когда мы копали картошку, когда впервые мое горло обожгла огненная влага.

Так уж получилось, что приобщение к спирто-содержащим напиткам во времена нашей юности происходило в закрытых мужских трудовых сообществах. Например, в заводской рабочей бригаде. Хотя следует признать, что 3,5274 унции спирта — «трудовые сто грамм», — несовершеннолетние рабочие нашего цеха, в отличие от совершеннолетних, не получали из рук уважаемого начальника цеха в честь выполнения квартального плана никогда. Но интересно было получать сиюминутные премии. Эти, как тогда говорили, живые деньги раздавал мастер участка, пожимая каждому замызганную машинным маслом со следами металлических заноз трудовую руку,

поздравляя с производственными успехами. Несовершеннолетние получали 5 рублей; взрослые — 10 рублей. Я не знаю, что делали взрослые со своим червонцем после остограммливания; хотя до нас доходили упорные слухи, что червонец — это три поллитровки водки, две булки хлеба и 2,20 фунта дешевой бараньей колбасы.

К чести начальства, оно нам, несовершеннолетним, спирт не наливало, но мы покупали «Ркацители», «Каберне» и шли на бережок Биры праздновать трудовую победу, потому что мы вступали в эпоху «разлитого» социализма. И дело, разумеется, было не в том, что спиртное становилось столь востребованным. Дело даже не в алкоголе как таковом, в нем нет ничего противного природе. Драма начинается тогда, когда алкоголь становится объектом любви.

И вот сейчас, оглядывая трезвым взглядом нетускнеющее биробиджанское прошлое, я полагаю, что наша тяга к сухим винам была стимулирована состоянием счастья. Мы пили не потому, что хотели быть счастливыми. Нет и нет! Наоборот! Мы изначально были счастливыми, и только поэтому хотели выпить. Быть может, это одна из особенностей биробиджанского образа жизни: для настоящего биробиджанца счастье первично, вино — вторично. Вот идешь, например, по улице и встречаешься с друзьями: Витьком или Валеркой, Иоськой или Мариком, Толиком или Володькой, Шмуэлем или Алехой, Хаимом или Сережкой, Колей или Славиком, Левушкой или Ахмедом, Петром или Арменом, Наумом или Са-

лаватом, Бориком или Ициком, Мотиком или Семеном, Митей или Леней... От переполняющего тебя счастья сразу хочется выпить. Вот привлекли твое пристальное внимание, допустим, стройные ножки сверстницы-стрекозы: не выпить — грех. И если люди пьют, как правило, от счастья, то пьют они, как правило, тоже от него. От счастья света далеких звезд, от счастья опрокинутого неба, и от июльского дождя, и от сводящего с ума листопада, от новогоднего снегопада, от птичьей трели и мартовской капли.

Таков суровый закон жизни, ждущей чуда. Совсем недавно я еще раз убедился в его неотвратимости. Случилось так, что, перепутав авиалайнер в празднично сверкающем Домодедово, я неожиданно для окружающих оказался на берегу почти Атлантического океана, во французском городе Гавре. И у меня, я вам честно признаюсь, крыша поехала от счастья. И вот чтобы как-то ее остановить, я позвонил по мобильнику Люсе, но это не помогло. Тогда я выпил маленькую, совсем крошечную рюмку водки — 0,8818 унции, друзья, это всего-навсего 25 миллилитров, — которую в ближайшем кафе мне поднес за 5 евриков чудесно улыбающийся бармен. После десятой или двенадцатой рюмочки-крохи я твердо для себя решил, что объединенная Европа — это все-таки счастье для наших людей, но только тогда, когда на пространстве от Биробиджана до Гавра и от Гавра до Владивостока на хорошую водку будут строго фиксированные и разумные цены, особенно для тех, кто умирает от счастья.

Были у нас и городские чудаки. Был Митроша, во время великой войны горевший в танке, потерявший ногу, постоянно во хмелю, собиравший в городском сквере пустые бутылки, а банок-жестянок из-под пива тогда еще в помине не было. Говорят, что это традиционное оружие современного парижского пролетариата. У Митроши была всегда на языке какая-нибудь хлесткая фраза типа «взять Берлин и не умереть от триппера», «одна голова хорошо, а два сапога — лучше», «будущее поколение советских людей будет жить». Кстати, за последнюю фразу он поплатился: его вызвали на профилактическую беседу в органы социального обеспечения, осуществляющие догляд и посильное социальное вспомоществование. Хорошо, что времена уже наступили вегетарианские.

В городе нашего детства был еще один интересный, с остатками седовато-рыжих лохм на лиловой лысине. Вылитый Ван Гог в гробу, строгий и не улыбочивый. Он ходил без шапки даже в лютый мороз. Кое-какая информация о его жизни смутно шла от взрослых: этот человек просидел в тюрьме на Колыме двадцать с лишком лет в полярной тьме. В начале тридцатых, приехав из Голландии в Биробиджан строить будущее, он для начала добывал какую-то блестящую руду для строительства фундамента нового мира. Однако фундамент треснул, и он в конце тридцатых

загремел в дальлаговские заведения как нидерландский шпион и вредитель-двурушник. Кстати, еще в годы моей юности где-то там наверху препирались, кто его засадил в мерзлую тундру: бывшие энкавэдэшники говорили, что они тут ни при чем, это дело нечистых рук, громокипящих голов и ледяных сердец партийных органов, проигнорировавших категорический императив Канта, который в качестве золотого правила нравственности, наряду с маузером железного Феликса, потом вошел в знаменитый кодекс общественного поведения. Партийные же органы говорили, что только холодная голова, горячее сердце и чистые руки могли пресечь на корню любое вражеское поползновение и изолировать нечистого от чистых на двадцать, пролетевших как шальная пуля, годков. Это занятное препирательство продолжается по сей день. Но что интересно: если это недоразумение в те времена обсуждал простой народ, то сейчас его обсуждают и о нем спорят ученые-историки. Народ отдыхает.

Что наш голландский вредитель пережил, известно одному Богу и тем, кто караулил лазутчика. При всем том, что Бог и вертухаи не могут быть заодно. Мы ничего не знали о его тихой жизни, но одна невероятная история имела общественный резонанс. Дело оказалось в том, что этот сиделец после известного съезда партии был реабилитирован и вернулся из Сусумана в Биробиджан, где ему дали скромную квартирку с чуланчиком для кота или собаки, что по тем

временам, да и нынешним, было очень даже хорошо. Вручили и скромненький такой билетик, чтобы ходить в партполиклинику. Ведь здоровье у него было – швах. За неимением кота или собаки он свой уютненький небольшой чуланчик сдавал двум студенткам театрального отделения местного культпросветучилища. И только сейчас, я, прочитавший труды по фрейдистской трактовке марксизма, понимаю, в какие дебри бессознательного пустился наш голландский колымец. Оказалось, что, несмотря на генеральную линию своей партии, этот измочаленный судьбой страстотерпец нуждался в положительных эмоциях. Поэтому колымский голландец за определенную плату или бескорыстно, что вины с него не снимает, просил девчонок-квартиранток в свободное от учебных трудов время раздеваться до бикини, чтобы визуально наслаждаться юной красотой.

Для добропорядочных граждан нашего города такое «видео» и такая магия воображения представлялись почти преступлением, тем более что «видео» тогда еще в помине не было. То, что он пережил на северах с подачи Коминтерна, было для того же народа чуть ли не нормой. А вот его возвышенный эстетизм воспринимался как разврат. Но, если взглянуть с позиций «от каждого по способностям, каждому по потребностям», то открывается как бы другая перспектива, как бы другая незамутненная сторона медали. Его молодым, веселым, красивым судьба погнала в светлое будущее из еврейского квартала Амстер-

дама, который рядышком с кварталом красных фонарей, через Северный морской путь в еврейский Биробиджан, а затем – в Хабаровскую пересыльную тюрьму напрямик в частично еврейский Магадан. Он потерял семью, Голландию, сталинскую конституцию. Он потерял свою мужскую стать, он был лишен даже Биробиджана, с его кварталом красных зорь. Да ему руку нужно было бы пожать за то, что после всего пережитого он сохранил способность к эстетическому восприятию действительности в духе Николая Гавриловича Чернышевского, отдавшего, как и наш голландский мужик, все на свете за четвертый сон Веры Павловны. Но он опять оказался врагом народа, уже на морально-половой лад; ему грозила гражданская казнь. В конце концов, уважаемый господин Фрейд, дорогой наш Зигмунд, ответь, разве у эстетических эмоций нет эротического корня? А разве эротический корень не дан нам свыше? Не этот ли корень послан нам Богом, чтобы мы с Ниспославшим имели прямую связь по образу и подобию Его? Быть связанным с Богом эротическим корнем — это наша священная обязанность, это наш священный долг. И если высшую меру потом заменили двадцатью годами лагерей, то он все равно остался приговоренным к высшей мере прекрасного, пожизненно приговоренным к чуду женственности. Он запросто мог ответить на вопрос поэта с похожей на Ван Гога в гробу судьбой: скажите, что такое красота

и почему ее обожествляют люди? И если, как считает австрийский доктор-бунтовщик, Бога нет, то Ван Гог есть и Заболоцкий есть, и психоанализ все-таки есть. Ответь нам, Зигмунд, за эти странные выверты Эроса в подсознании сексуального большинства. Скажи нам, великий гражданин Вены: разве перед тем, как захлопнет крышку гроба всемогущий бог смерти Танатос, прощальная улыбка Эроса не согревает холодеющую и отлетающую душу? Разве «закат печальный» не рифмуется с «улыбкою прощальной»? Разве не мог сказать Борис Леонидович Пастернак на прекрасном идише, хотя бы ради отца родного, то, что он сказал на чистейшем русском: «согрей последней лаской женскою мне горечь рокового часа»? Даже если наш эстет виноват, то все равно возникает вопрос: отличается ли бескорыстный взгляд Ренуара и Модильяни, Генри Миллера и Виктора Ерофеева от оскорбления эротическим воображением общественного мнения непорочных биробиджанских граждан? В конце концов, если быть строгим: покажите мне, где и кем записано, что ласкать выжженными горем полуслепыми глазами прелестных дев запрещено законом или суровым обычаем.

Кому какое дело до эстетических предпочтений уничтоженного собственной мечтой человека, у которого на руднике сгнили все зубы, а от ударов кованными сапогами в пах началась гангрена? После этого что скажешь Александру

Исаевичу Солженицыну по поводу того, что на Колыме среди голландских «выходцев» было немало придурков? Ведь не будешь же ссылаться на то, что голландцы более уязвимы к ударам в пах. Что они менее лояльны к патриотической идее, чем кукуруза к вечной мерзлоте в районе магаданского Сусумана. Ведь не зря сказано, что после любой гангрены всегда хочется чего-то возвышенного. Хочется потряхнуть стариной, подышать свежестью молодого тела, пусть даже не знающего изысканных, с эротической мелодией шампуней и знакомого лишь с черемуховым свежим мылом. Думаю, что Гумилев и Пастернак нашего амстердамца поняли и не только простили, но сами вдохновились. Это, я вам говорю, произошло бы с железной необходимостью, если бы они вернулись с комсомольскихстроек Заполярья, куда бы рванули за туманом и запахом тайги. Они бы поступили точно так, как наш все-таки счастливый голландец-эротоман, и они, как великие поэты, сошли бы с ума от умопомрачительных линий. Как начал сходить потихонечку и я. Но это особая тема, к которой я когда-нибудь вернусь с глазами, полными слез.

БИРОБИДЖАН КАК ЖЕРТВА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Несомненно, Биробиджан оказался невольным заложником холодной войны. А что такое холодная война в ее практическом исполнении? Холодная война — это такая куча политических, экономических и пропагандистских заморочек по недопущению советского народа в планетарную цивилизацию, а биробиджанского народа — в сети мирового сионизма, глобализма и потребительства. Холодная война нужна была, для того чтобы прикрыть дымовой завесой достижения «разлитого» социализма в отдельно взятом городе за одно приличное, но мягкое место.

В этой связи потомству необходимо знать правду, только правду и ничего кроме правды. Хотя и не всю. Когда Германская Демократическая Республика объявила себя продвинутой демократической страной, десятки тысяч квалифицированных рабочих ринулись из Восточного Берлина через Западный на постоянное место жительства в федеративные земли. А ведь могли бы и в Биробиджан. Но чтобы каким-то образом предотвратить нежелательное развитие событий для Варшавского договора, а следовательно, и для Биробиджана, была воздвигнута знаменитая стена. Кто-то даже схлопотал у этой стены пулю, на поверку оказавшейся народно-демократической и самой справедливой пулей

в мире. Что и подтвердила тогда экспертиза, совместно проведенная ФБР, Штази и спецподразделением КПСС.

Сейчас, все знают, это стало общим местом: под пулю сунулись те, кто недопонимал, что самый лучший образ жизни и самое лучшее качество жизни возникает в Биробиджане при социализме советского извода. Интересно, что в разгар холодной войны, в семидесятые годы прошлого века, кремлевские старцы пресекли на корню развитие информационных технологий и распространение кошерной еды в Биробиджане и близлежащих селах. На самом высоком уровне было сказано, что эти технологии опасны, так как будет распространяться информация о неправильной еврейской жизни Нью-Йорка, Лондона и местечка Барбизон, что рядом с Фонтенбло, под Парижем. Действительно, зачем штамповать морально-политических уродов путем передачи по Интернету рецептов кошерной кухни? Это «зачем» несколько в ином ключе четко обозначил, возвратившись из Франции, незадолго до эпохи горбачевских перемен один известнейший советский писатель, сказав, что пускать наших женщин в суперфарм возле вокзала Сен-Лазар в Париже не только не гуманно, но и глубоко безнравственно. Ведь наши женщины, побывав в суперфарме, входят в состояние обморока. Фактически его прозрение витало в воздухе: в это же самое время в американских университетах

продвинутые интеллектуалы увлеченно скандировали: «Нет белой дуре, западной культуре!» Так вот, наш народный писатель взывал: нам не нужно воспитывать в соотечественницах чувство неполноценности, которое отягощено суицидомазохистским синдромом. Мол, не будет в нашей жизни садизма по отношению к нашим женщинам, не будет и мазохизма с их стороны.

...Я вспомнил пассаж известного автора, только для того чтобы подчеркнуть, что биробиджанский официоз гнул линию: нам нужны правильные евреи, украинцы, русские, татары и так далее. Вспомнив же Великую Стену, не грех отметить, что отделить правильных немцев от неправильных гораздо проще — взяли и создали архитектурный шедевр в центре Европы и окружили его овчарками, так сказать, «правильными Русланами». А что делать-то с неправильными евреями, или татарами, или русскими? Где взять такой ров, такие железобетонные занавески, чтобы в момент отделить тех от других? Сплошная головная боль всех, кто хорошо думает, о евреях. Ведь они испокон веку существуют на сетевой манер, каким-то квадратно-гнездовым способом, в виде какой-то невероятной дисперсности, которую каким-то образом хотят объяснить с помощью выдуманной ими, конечно не только ими, неарийской квантовой физикой. С той поры когда лишились своего Храма. Более того, всем известно, что отдельно взятый еврей, как правило, представляет собой поразительное сочета-

ние «правильности» и «неправильности». Этот какой-то фантастический квантово-волновой дуализм был не только загадкой, но и руководством к действию. Что оставалось делать в таком случае пастырям и воспитателям народа? Мысли в головы вживлять! С перманентной проверкой на «вшивость» в многочисленных провинциальных лубянках?

К счастью, время подвалов закончилось и пришло время светлых кабинетов. В значительной мере благодаря модерновому дизайну многие биробиджанцы с большим воодушевлением восприняли сообщение о присуждении генсеку Брежневу Нобелевской премии по медицине в области трансплантации за удачную операцию по вживлению Золотой Праги — сердца Восточной Европы — в советскую задницу. А это вам не вживление чипов в голову, о котором сейчас настойчиво говорит правозащитная общественность. За эти чипы нобелевку уже не дают. Да ее уже никто и не берет. Поэтому официоз возвышал так называемых правильных евреев, привлекал пряником, поигрывал веником. Было время, когда у всех на слуху был знаменитый хит сезона: «правильным у нас везде дорога, правильным у нас всегда почет». В нашей демографической литературе возникло понятие «советские евреи» в противовес «несоветским». Возник даже оксюморон уже последнего времени: «евреи Биробиджана». Было это пропагандистским трюком или не более чем лингвистическим вывертом —

до сих пор непонятно. При этом наверху успокоительно утверждалось: в семье не без урода.

Так-то оно так, но и уродцы-то тоже не без семьи. А семья-то ни много, ни мало — космополис: мировая культура и планетарная цивилизация. Эти уродцы выращивали некий гибрид с человеческим лицом из разных «измов» на Святой земле, а клерки из главного комитета на всех углах кричали, что у крокодила человеческое лицо не отрастет никогда. Но это уже был чистый блеф; это уже было следствием полного невежества. Не нужно было в свое время душить генетику, как легкомысленную девушку мирового сионизма. За что боролись, на то и напоролись. Современная генная инженерия достигла таких высот, что даже крокодилы могут не только построить социализм, но даже отрастить аккуратненькие пейсы и при этом высоко нести свои правильные яйца. Что бы ни наговаривали на генетику и кибернетику, я вам скажу, влюбиться можно даже в девушку легкого поведения. Потому что ее легкость, ее воздушность, ее полетность может сделать тебя счастливым. В конце концов, если не быть ханжой, ничего позорного в словосочетании «еврей Биробиджана» не было, нет и никогда не будет. Если только будут «евреи Биробиджана».

Нужно отдать должное, на правительственных зданиях города, начиная с обкома партии вплоть до городской бани, висели таблички с признанием титульной областной нации. И это шло прямо из сердца, нашей страны. Вне сомнения, мудрой

поступи истории было абсолютно наплевать, когда в минуту раздражения молодая учительница, желая приструнить расшалившегося мальчугана, искренне интересовалась: ты что, Сидоров, еврей? Ну, что плохого в ее любознательности? Это так же естественно, как в Одессе спросить: ты что, Сидоров, молдаванин? — в Англии: ты что, Сидоров, голландец? — в Грузии: ты что, Сидоров, абхаз? — в Иране: ты что, Сидоров, янки? — а в некоторых кругах Москвы: ты что, Сидоров, русский? И ученики, воодушевившись вопросом, могли простодушно рассеять сомнения пытливого педагога, высмеяв неадекватного Сидорова как еврея, молдаванина, голландца, абхаза, янки, русского. Хотя, на мой взгляд — взгляд ветерана и инвалида холодной войны, слово «жид» и в те далекие времена было наполнено чем-то многозначно нехорошим. Это слово как бы предвещало дело. Сначала слово — потом дело. В этом, видимо, скрывается тайна особой лингвистической чувствительности.

Помню, в начале профессиональной жизни мне пришлось учительствовать в поселковой школе недалеко от нашего города. Поселок был населен спецпоселенцами и их потомками. Спецпоселенцами называли бывших жителей оккупированных гитлеровцами территорий, у которых были нелады с советской властью, за что их привезли после войны в наши края. Так вот, однажды, проводя в шестом классе урок истории по культуре Возрождения и показывая

детям фотографии скульптур Микеланджело «Давид» и «Моисей», я услышал, как по классу поползло шипение: «жида, жидовня, жидовщина, иудео-христианская цивилизация, жидома-сонский заговор» и тому подобное. Стало как-то неуютно и мерзко, но не только из-за языкового поведения детишек. Шипение выдавало их проблемы и только потом — мои. Хотя сначала мне стало жалко себя, Микеланджело, Давида, Моисея, Христа, апостола Павла, но по-настоящему мне стало жалко шипящих ученичков. Хорошо, что сработал педагогический такт и чувство ответственности, непонятно откуда взявшиеся. Я не обиделся, но почувствовал, что ненависть и злоба широко распространены в том кругу, в который я был брошен.

Опыт встречи с ненавистью был необходим для самоидентификации и самоопределения в этом неласковом мире. Однажды, дело было после приема в пионеры, мы побежали в школьный нужник, где нередко курили и балагурили дети из другого мира. Это были другие дети, некоторые второгодники, старше нас, посильнее и беспшабашнее. Мальчишей-плохишей в тот день в пионеры не принимали, они не стали пионерами никогда. Один из них, сорвав красный галстук с моего приятеля, повязал его себе на уже взрослеющий член. Его друзья дружно загоготали. Я не понимал до конца всех причин данного поступка. Он был чем-то большим, чем простое хулиганство. Только потом стал догадываться,

что у этих ребят нелады с советской властью и с евреями, которые столь активно служат власти. И в пионеры вступают, радуются. Они уже с малолетства типа придурков, которые вдруг буграми становятся. Разумеется, детская душа лепилась из той глины, которую месили взрослые. А мир взрослых был нам непонятен, что-то грязно-мутное, обволакивающее несло на нас из этого мира. Конечно, мы, в нашем понимании приличные дети, не могли не быть пионерами, потому что не могли смотреть на мир глазами тех, кто срывал пионерский галстук с многострадальной шеи Павлика Морозова и повязывал им торжествующий член внука «кулацкого отродья». После этого нельзя было не сочувствовать коммунистам и душой прилепиться к ним. Хотя это произошло, видимо, в возрасте 9–10 лет, когда мы, благодаря «Пионерской правде», влетели в «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. Ее печатала из номера в номер любимая газета — это было для детского сознания важнейшим событием. Почти как полет Юрия Гагарина. О! Восхитительная газета нашего детства! Я до сих пор чувствую дыхание керосина, исходящее от ее страниц. Когда вскоре появился Фидель, я думал, что именно он, как великий кормчий, возглавит галактический проект «Великого Кольца», предложенный смелым ученым-фантастом.

БИРОБИДЖАН В ОГНЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Когда Никита Сергеевич Хрущев со своей командой стал активно бороться с колхозами и частнособственнической нечистью, тогда благочестивый народ Биробиджана, чтобы как-то умерить его утопическую прыть, втихую занялся одомашниванием диких колхозных свиней. В результате и у нас оказались две настоящие свиньи на вырост, купленные у разорившегося колхоза. Отец, движимый чувством геополитической реальности, явно симпатизируя освобождающимся от колониализма народам Африки и клеймя их врагов, назвал одного хрюна Чомбе, а другого — Мабуту. Я не сразу догадался, почему это произошло. Причина была в пропагандистской акции, которую осуществляло наше внешнеполитическое ведомство с помощью мощного радиорепродуктора в центре города, постоянно бухтевшего о Чомбе с Мабуту. Как только отбивали последние аккорды утренней «Пионерской зорьки», это чудо техники только и вещало о Чомбе с Мабуту и о надоях молока в колхозах страны и области, а потом, почти без перерыва, до вечерней «Пионерской зорьки» опять несло про Мабуту и Чомбе.

Заметим в скобках, что сейчас радио не столь одномерно, как в те далекие времена. Сейчас о Чомбе с Мабутой ничего не слышно. Ни гу-гу. Мол, есть вещи поважнее. Сейчас больше поют, хорошо поют, о самом главном; сегодня, напри-

мер, говорили об опасных каловых камнях, которые постоянно грозят свалиться на голову замешкавшегося простолюдина в случае неправильного питания, и о поразительной сухости в каком-то очень и очень важном органе, о том, как нам, россиянам, с этим бороться. А в те далекие от нас годы, куда было деться моему простому папе. С советским политическим темпераментом. Поэтому тут сработала некая амбивалентность чувств. С одной стороны, назвать свинушек, даже очень симпатичных, именами каких-то заслуженных в политическом мире людей было бы не совсем прилично, с другой же стороны — нужно было дать какой-никакой отпор наглым притязаниям колониальной военщины. Нужно было поддержать Патриса Лумумбу. Симпатичные хрюшки в каком-то смысле стали сначала очередными заложниками, как и все биробиджанцы, а затем и жертвами холодной войны, которую, как всем известно, придумал и запустил в серийное производство Черчилль, имевший виды на Биробиджан еще задолго до Алена Даллеса, Голды Меир и Мадлен Олбрайт.

На этом фоне умственная жизнь тихого города иногда сосредоточивалась в деревянном клубе у железнодорожного вокзала, где читались лекции о международном положении. Туда продвинутые дети нередко ходили со своими взрослыми. Помню, как пользовался популярностью плотненький и кругленький капитан-замполит из местного гарнизона, кажется по фамилии Краб

или Кроб, чем-то похожий на боевого петушка. На всю жизнь в памяти осталась его лекция об Индонезии с показом кинофильма со слащавой мелодией. Но лирика лирикой, а лектор-политрук был не лыком шит: ведь вокруг враги, мы в осажденной крепости, а для этого нужно разоблачать козни. Вот почему в накаленной атмосфере и в зловещей тишине было сказано про нашумевший случай, раздутый безответственной прессой, по поводу того, что бедному парню, рядовому, в результате казарменной склоки из-за какой-то тарелки клубники, нечаянно оторвали часть кое-чего, чтобы подлить керосин в огонь холодной войны, которую развязал, как всем известно, небезызвестный Черчилль. У лектора с языка постоянно срывалась приговорка: Эка, у них есть Эко. А мы в ответ на вашу Эку перекроем нашу реку. Мы вам не какая-нибудь Лапотьяндия, наворачивал он великолепным тенором. Ишь ты, строят свое общество потребления, строят и строят, а мы все равно догоним и перегоним эту сытую и хвастливую Америку. И нам плевать, что она катится в пропасть, а мы за ней играем в догоняйку. Мы покажем нашим врагам кузькину маму, и им в ответ на нашу Эку будет не до кукареку.

При этом политрук попросил признать, что казус с яйцами того парня — это просто средство, которое зарвавшиеся глобалисты и дудящие с ними в одну дуду сионисты хотят использовать для моральной дискредитации и психологиче-

ской фрустрации нашей нации и низменной апробации ракет новой генерации против нашей федерации. То, что предмет мужской гордости заново отрастет, — в конце концов, заграница нам нанотехнологиями поможет, не без патетики заявил замполит, — никто не сомневается, а вот антипатриотическая пиар-акция может достичь своей грязной цели. И Югославия отлетит к НАТО. Но ставка Тито будет бита. А эта НАТА еще та. Ведь это чистейший пропагандец, что ихняя НАТА якобы очень бережно относится к тому, что так притягивает совершеннолетних девушек. Но мы в ответ на клевету запустим в небо новый «ТУ». Пусть у этих НАТО солдаты вместо сапог обуты в крепкие ботинки. Да, у нас портянки и сапоги, а не носки и ботинки, но мы, несмотря на это, всегда били врага. А когда нам выдадут ботинки, мы им еще разочек вдарим! Дело за малым, нам только следует перевоспитать наш рабочий класс, чтобы он пил пиво не перед работой, а после, как это делает многострадальный американский пролетариат.

Через несколько лет, не без влияния этого Кроба или Краба, похожего на боевого петушка (еще, наверное, потому что он был — я это узнал из разговора родителей — «правильным»), на собеседовании в военкомате, куда нас пригласили для постановки на допризывной учет, я выразил искреннее желание поступить учиться в Военно-политическую академию имени кой-кого. Симпатичный дед в штатском, со следами фронтового

прошлого на выразительном лице, с пониманием отнесся к моей просьбе, но при этом как-то хмыкнул, странно крякнул и медленно стал что-то записывать в амбарную книгу. Затем, закулив папиросу, долго и молча на меня смотрел.

Потом в нашу жизнь ворвалась Куба. Партизаны с Фиделем, Раулем, Че Геварой стали для нас близкими и родными, как уехавшие на войну любимые старшие братья. Фидель был крут, он шесть часов кряду изничтожал врагов, своих северных соседей, свалившихся на его революционную голову. Потом сказал, что ему показали на Семипалатинском полигоне кузькину мать, которую он скоро, в свою очередь, покажет зарвавшимся соседям, предварительно обменяв сто мегатонн сахарного тростника на парочку мегатонных «сигар» в тротиловом эквиваленте, которые он просто полюбил на основе взаимности. От этих слов народ в Биробиджане стонал от восторга. Дети ходили строем — белый верх, черный низ — и пели: «Куба, любовь моя!».

Белый верх, черный низ, где ты, Люся? — О, Люся, любовь моя? Ау? Светлый верх, темный низ... Светлый верх, темный низ... Конечно, сердцу не прикажешь: в то время, когда на планете бушевала холодная война, в сердце рождалась зубная боль, от которой специалисты-кардиологи совместно со стоматологами никого никогда не смогли избавить.

Я вот думаю, сейчас в наши дни седые, благородные, закаленные ветераны и инвалиды

холодной войны, поедая гамбургеры и шашлычки у превращенной в пыль Берлинской стены, у пойнта Чарли, попивая отравленное грузинское и молдавское вино, могут с чистой совестью поднять бокал за Биробиджан. И произнести тост в честь скромного, но героически-неприступного бастиона и барака социалистического лагеря. Нередко в мучениях ночной бессонницы, я думаю, отчего так истерично нам навязывался антиамериканизм. Видимо, для того, чтобы в случае военного конфликта, во время окопного противостояния, между русскими и американскими не началось братание.

Теперь понятно, почему холодная война вызвала такой неподдельный интерес на школьных политминутках: помню взрыв информационной бомбы по поводу интервью поэта Евгения Евтушенко одной западногерманской газете. Поэт в нем напомнил о сибирской лагерной колючке, о больной совести. Помню, как мы, уже семиклассники, горячо спорили о новой концепции публичного изнасилования истории в учебнике для старших классов: мол, что важнее для подрастающего поколения — совесть или величие. Только сейчас стало понятно, если наш город столь близко по дальневосточным меркам находится от города Свободного (столицы Дальлага), то мы не можем жить со спокойной совестью. Что-то начинало ёкать и свербеть в уже недетских душах. И мы — я с Валеркой и Витьком — сидя на завалинке нашего барачного дома, рассуждали

почти по-взрослому: конечно, слава — это солнце мертвых, как метко заметил Наполеон. И пусть тогда, пусть она и остается мертвым, живым же нужнее совесть. Живые с той славой, но без совести долго не протянут, да и нельзя ту славу скрестить с нечистой совестью. Променять совесть на славу — это все-таки какой-то трюк.

О нежные и ласковые псы холодной войны, как я рад, что вы рады сахарным косточкам, которые вам подбрасывают борцы за неоскверненную память об успешном менеджере эпохи, который не был основоположником и зачинателем холодной войны. Несомненно, кузькина мать поможет нам встать с колен, и если бы Черчилля не было, то его нужно было выдумать для консолидации биробиджанского народа по защите завоеваний. И чем больше тротила в наших пороховницах на душу населения, тем счастливее наш народ, и кое-что от нашего счастья достанется кубинскому пиццу.

КИНО НАШЕГО ДЕТСТВА

Нередко после лекций в том деревянном клубе показывали кино. Вот это был настоящий праздник для детворы, хотя не всякое кино мы понимали. Что могли увидеть детские глаза в «Ночах Кабирии», «Риме в одиннадцать часов», «Маме-Роме», «Утраченных грезах», «Они бродили по дорогам», «Летят журавли»? Но мы что-то видели. Ведь и спустя почти полвека ночная бабочка Кабирия не дает мне покоя, ее слезы счастья до сих пор текут по моим щекам. Хотя классово близки нам были, конечно, великие фильмы: «Бродяга», «Человек-амфибия», «Тайна двух океанов», «Чрезвычайное происшествие» или «Наш дорогой Никита Сергеевич», который я посмотрел в сдвоенном сеансе с фильмом «В джазе только девушки». После Мэрилин Монро я даже на Никиту Сергеевича смотрел влюбленными глазами. Кино нам раскрывало тайну пола, мистику большой политики, фантасмагорию космоса. Еще не достигшим шестнадцати лет.

Значительную роль в пробуждении юношеской чувственности и неотвратимой любви к синема сыграл фильм «Весна на Заречной улице». Это была самая настоящая эстетическая революция в нашем сознании. Тогда эстетика полового влечения, показанного крупным планом, ураганом ворвалась в нашу советско-детскую пуританскую жизнь. После этого фильма я не мог

смотреть на свою одноклассницу Люсю без испепеляющего чувства греха. Потому что она была обещанием счастья. Эта, взрослеющая на наших бесстыдных глазах, чистая девочка, платиновая блондинка, дочь милиционера, заставляла меня во время уроков забывать все на свете. И еще сильнее любить милицию. Поэтому в свободное от школы время мы обсуждали с друзьями абстрактный образ девичьей прелести и романтический образ работника спецслужб. Быть может, какое-то время я в школу ходил только для того, чтобы увидеть ее божественную родинку на левой щеке. А на учительницу химии я смотреть не мог. Волна отвращения накрывала меня даже в тот момент, когда я открывал учебник химии.

После просмотра фильма «Весна на Заречной улице» от девчонок повеяло каким-то индонезийским теплом. Особенно от Люси, которая на городских смотрах художественной самодеятельности выводила: «Страна-а радная Инданэ-эзия, я та-ак тебя-а-а лю-у-бл-ю-у...». Видимо, она тоже подверглась влиянию лектора-политрука Краба или Кроба. А, между нами говоря, этот Соломон дослужился-таки до генерала геополитических войск стратегического назначения и сейчас пописывает статейки о том, как была бита ставка Тито, благодаря чему мы и встали с коленок. Но ни слова о том, что Америка, Европа, Индия и Китай тоже встали с этих самых коленок.

Как бы то ни было, все мое позднее детство прошло под знаком любви к воспеваемой Люсей

с морями теплыми стране. О, если бы Люся, та, тогдашняя, Люся, будоража мое больное воображение духами с сумасшедшинкой — «Красная Москва», предложила мне пляжный тур на Северное Борнео! Увы, тогда мы были невыездными. Ведь современная молодежь не знает, что для того, чтобы въехать туристом в страну Болгарию, нужно было сдать бесплатный ЕГЭ на предмет верности идеям ленинизма в ближайшем райкоме комсомола. Экзамен был бесплатный, хотя на сам тур нужно было копить всю комсомольскую молодость и партийную зрелость, начиная с октябрятского детства. Видимо, отсюда возникла, принявшая широкое хождение в нашем народе, остроумная мысль о том, что в России нужно жить долго. Недавно я встретил нашу — свою! — Люсю на острове Бали в потрясающем купальном комбинезоне. Она шла в обнимку с симпатичным пузатым африканцем с комсомольским значком на интимном месте фешенебельных шорт. Дружба народов, как необходимое и достаточное условие любви к русским девушкам, достигла апогея у него еще в Высшей Комсомольской Школе, где его отцу в свое время выдали этот многозначительный значок. Да, я встретил Люсю, но поздно. И хоть бы один мураш пробежал по моей спине. Да, прошлое не вернешь никаким воображением, но вся проблема в том, что трудно вообразить не прошлое, даже не будущее, всего труднее вообразить настоящее. Вот такое кино!

ВТОРЖЕНИЕ ИЗРАИЛЯ В БИРОБИДЖАН

Вторгался в нашу жизнь и Израиль. Не без этого. Однажды случилось нечто близкое к тому, о чем напевал лирически нежно Александр Галич: «Мы тут будем, пот на рыле, топать к светлому концу, ты же будешь в Израиле жрать, подлец, свою мацу». Невероятно, но факт: Рахиль Исааковна, добрейшая учительница начальных классов, будучи на хорошем счету в райкоме профсоюза работников просвещения и своим в доску человеком, поехала в Израиль к родному брату, случайно уцелевшему в нацистском концлагере и очутившемуся после войны на западном берегу Иордана. Ее вояж был событием из ряда вон выходящим. Вернувшись, сладчайшая Рахиль Исааковна была приглашена к нам на классный час с рассказом о нелицеприятной сущности сионизма. Разложив сионизм по косточкам, она, прекрасная рассказчица, заставила нас вздрогнуть. После такой накачки и вызванного ею потрясения некоторые мальчишки немедленно пожелали записаться добровольцами, чтоб землю в Дженине крестьянам отдать. Немножко подпортил впечатление Вовка Ехидничук, второгодник с последней парты, который выкрикнул несколько ругательств в сторону неправильного еврейского народа и громко прошипел: а наша соседка тетя Роза сказала моей маме, что Израиль, конечно, нам чужд, но туфли и кофточку вы таки очень качественные из оттуда привезли.

Что тут началось! Рахиль Исааковна, несколько не смутившись, стала говорить о мягком подходе к странам неумеренного потребления, вызывающим нечто похожее на культурный шок. Да, привезла, сказала она подбоченься, небольшой чемоданчик шмоток. И качество товара там неплохое, а у нас в Биробиджане не то что хороших туфель не купишь, но даже, извините за выражение, за курями и туалетной бумагой нужно ездить в краевой центр. И почему у вас память короткая, разве не на шутку волнуется народ в очередях, когда обещают давать по две, а потом дают по одной? А тот, останавливающий кровь в жилах, случай, о котором даже Русская служба Би-Би-Си клеветнически сообщала из Сеула или Сайгона, когда в магазине на Пищепроме, который рядом с железнодорожным переездом, давали сливочное масло и задавили бабу Бусю с уголовного барака по улице маршала Буденного, что на пересечении с угловым бараком на улице маршала Ворошилова, героев Гражданской войны, между прочим! Светлая им память. Конечно, задушили по недоразумению, не со зла, по-свойски, можно даже сказать — в объятиях любви. И те, кто душил с таким грустным результатом, не виноваты, так как на них напирал народ, который бабу Бусю душить не хотел, он ее уважал за разминирование минных полей в районе Бобруйска в лихую годину, но в тот момент не видел ее, упавшую и прижимающую к груди пачку сливочного масла. Да, дети, к сожалению,

мы иногда причиняем боль тем, кого любим. Вот, например, дорогие ученики, я вчера, грызя израильские орешки, прищемила себе язык. Ну, что — я этого хотела? Конечно, нет. Я очень люблю свой язык, но сделала ему больно. Но, родные мои юные соотечественники, бывает и так, что мы нередко делаем удовольствие тем, кого не любим, и делаем неудовольствие тем, кого любим. Так вот, когда я прикусила себе язык, я сделала удовольствие нашим врагам, но я их-таки не люблю. Хотя, с другой стороны, зачем баба Буся полезла в это жерло народного гнева? Ведь было сказано еще по репродуктору в центре города: по одной пачке в руки. По одной. Весь город потом на ее похоронах с горечью говорил, что сапер ошибается один раз. Поэтому у нас собственная гордость, и мы на эту Би-Би-Си, трусливо окопавшуюся в Сайгоне или Сеуле, смотрим свысока, и от тайги до персидских морей страну своею гордится еврей. И нам другой страны не надо, где все вокруг колхозное, родное и мое. Хотя, с другой стороны, если бы не было колхозов, то наш вклад в мировое сельское хозяйство не ограничился бы только сибирской язвой и баба Буся была бы жива и здорова.

После того классного, необычного для нашего седьмого класса, классного часа я стал думать не столько о еврейском вопросе, сколько о еврейском ответе. Как, например, найти ответ на вопрос о твоей связи с Израилем.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ЕВРЕЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Этот вопрос ужалил меня в самое чувствительное место, когда я записывался в автомотокружок в Доме пионеров, где старшие ребята, уже гордые автомобилисты, задавали новеньким общие вопросы по вступлению в этот рыцарский орден: адрес, школа, место работы отца, приводы в милицию, национальность. И вот, за пару тактов до меня, один мальчуган все о себе выложил, обнародовав даже национальность. Дети дружно расхохотались. Однако мне было не до смеха. Я не хотел такого смеха. И, когда подошла моя очередь, промямлил: украинец. Никто ухом не повел, не рассмеялся, не переспросил, не ударил по плечу. А за что? Не за что, ведь почтенная нация, и никакого осмеяния. Опрос покатился дальше. Только мне внутри своей души стало противно и стыдно. Да, будучи шестиклассником, я не все понимал. Но чувствовал, что за словом «еврей» прячется какая-то лингвистическая гнусь, а может политическая или теологическая грусть, но с этим надо жить, как с родимым пятном. Родимее не бывает. Но мне и до сих пор стыдно за эту подмену. Конечно, нужно было записываться не в автомотокружок, а в кинофотокружок, вернее в детскую кинофотостудию. Там атмосфера была иной, хотя бы потому, что для нас — для кого это «для нас»? — из всех искусств важнейшим является кино. В те далекие детские годы я, конечно,

этого не знал. Не знал и того, что кое-кого этот факт раздражает. Ведь из песни слов не выкинешь, как поговаривал любимый всей биробиджанской детворой дядя Степа.

Некоторые считают, что чего не было в Биробиджане, так это еврейского вопроса. Хотя можно сказать и так: если вам кажется, что в Биробиджане не было еврейского вопроса, значит, вы были плохо информированы. Еврейский вопрос мог ворваться в нашу жизнь сплошным недоразумением.

Однажды моя тетя, будучи вхожа в некоторые высшие круги, поведала домашним о досадном случае, происшедшем в одном из детских садов города. В старшей группе этого детсада воспитательница записывала детишек в школу, проговаривая вслух незамысловатые анкетные данные своих подопечных. Все было тихо, пока не дошла очередь до одного мальчугана: перечисляя пункты, она озвучила «пятый». И тут дитя дико заорало: не хочу быть евреем!!! Воспитательница удивилась и ласково настояла: как же, Петенька, ты же у нас Грингартенблум, я папу с мамой твоих знаю и дедушку... Я и сама, извините, урожденная Гринбаксенфельд. К чему эти фокусы? Но Петенька впал в буйство и с криком «не хочу, не хочу» бросился на улицу, выбежал на дорогу и чуть было не попал под грузовик.

Этот случай заставил вздрогнуть партийные сердца и другие органы. Случай обсуждали на чрезвычайном заседании горкома и потребовали

усилить «интернациональное воспитание». Сейчас, спустя треть века, я думаю, что в принципе малыш был прав. Ну не хотел он быть евреем — а ведь евреем считается только тот, кто с этим согласен, или, по крайней мере, не доказал обратное — так и не надо. Ну не будет он евреем, так и ему будет хорошо, да и евреям от этого что-нибудь обломится. Ну, почувствовал он, что в новой исторической общности все сольются в интернациональном и мультиполицультурном экстазе, так зачем же тащить из своего детсадовского прошлого этот странный бренд? Но для меня остался невыясненным вопрос: почему малыш реагировал так нервно? С таким цыганским надрывом?

КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ В БИРОБИДЖАНЕ?

Конечно, город находился под неусыпным наблюдением. Сделать же всех обитателей его своими в доску должна была всемогущая организация, которая наблюдала и блюла. Осуществляла догляд. И формовку человеческих душ с инженерным мастерством, чтобы все были друг другу «друг, товарищ и брат».

Не будет преувеличением сказать, что всем советским людям повезло, но были и такие, которым повезло больше всех. Хотя спор о том, кому повезло больше, унижает человека. Некоторые даже утверждают, что особое внимание к еврейскому народу с его вопросом со стороны органов связано с неправильно понятой идеей его так называемого избранничества. Если всегда евреев избирал Бог и евреи ходили под Богом, то, когда Бога временно отменили и сослали в далекую тундру, нужно же было, в конце концов, кому-то за ними присматривать. Я не обижаюсь на присмотрителей. Они такие же люди, как и все, но в погонах, но на службе и встроены в вертикаль. Брось в них камень, в ком совесть чиста. А кто был без погон? — а кто не был на службе? — а кто не был вертикальщиком? Просто время было такое. Как во времена Адама и Евы: кто тогда не был евреем? Найдите мне хотя бы одного нееврея в те времена, когда была сплошная горизонталь и не было национальной озабоченности.

Вот и получается, что все люди — братья, то есть евреи, правда в разной степени посвященные в этот факт.

Другое дело, что в нашей действительности нужно было кому-то присматривать за евреями и неевреями, пока Бога не было на месте. А бдительность в Биробиджане была. Сначала — революционная бдительность, потом — мобилизационная бдительность, потом — бдительность в условиях холодной войны, потом — бдительность во время разрядки и зарядки напряженности. Олицетворением бдительного беспокойства был бедный неприлично маленький Ильич, стоявший на центральной площади города, чуть ли не на цыпочках, и как бы спрашивающий: что им для меня одного Шушенского мало показалось, зачем я им здесь нужен — такой неприкаянный? Говорят, одно время на памятнике были золотом вычеканены слова то ли из каких-то ранних стихов Сосо Джугашвили, то ли из самого Ленина — из его письма Сосо, которое скрыл Троцкий, а потом, замечая свои троцкистские следы, сжег в Алма-Ате, за что и поплатился уже в Мексике. И Ленин этого никогда не узнает, поэтому может спать спокойно. Правда, эти пламенные слова касались города Тулы времен Гражданской войны и сложной расстановки красных и белых сил, но были применены к местным условиям: «Значение Биробиджана для дела мирового пролетариата огромно...». Концовки фразы на памятнике не было: «...но народец там не наш». Какой

частью этой чеканной фразы руководствовался Сталин, не ясно без лишних слов. Думаю, что «не наш народец» преследовал заикливых на Коминтерне и классовой идентичности вождей всю их героическую жизнь вплоть до рудников Акатуя.

Биробиджанцам повезло еще в том смысле, что за ними можно было присматривать с живописной сопки, возвышающейся над городом. В свое время я от старших парней узнал, что ее романтически называют «сопкой любви», они там гуляли со своими девчонками. Так вот, нас застукали с этой феерической сопки, когда мы в библиотеке имени Шолом-Алейхема, будучи одиннадцатиклассниками, размышляли о том, куда пойти учиться. Все дело в том, что у нас возникла, извините за нескромность, коллективная гениальная мысль, а чем черт не шутит — почему бы не основать в нашем городе университет. Зачем разъезжаться по всему свету — вернее, его одной шестой части — и раздражать уставшее от неугомонного племени пространство от Владивостока до Львова и от Кушки до Мурманска? Широко и громогласно обсуждая свои намерения, мы решили пойти со своими предложениями на прием к депутату Верховного Совета Союза Советских Республик, передовому первостроителю области, орденоносцу Арону Мелитопольскому. Это и сыграло роковую роль в развитии событий. Ведь недаром сказал поэт: «Доносит гений на себя на собственные мысли». Власть нас услышала,

и мы к ней попали на прием, странный прием, очень даже необычный, если к нему не привык. Нас услышал не депутат, нас услышало спецподразделение с этой самой сопки любви, следящее за депутатами с кандидатами и избирателями и за студентами, аспирантами, доцентами, профессурой и старшекласниками.

И вот меня выловили на работе: в заводской цех зашел работник отдела кадров и пригласил в заводоуправление в какой-то кабинет. Там сидел решительный парень, который объявил, что меня вызывают для спецбеседы в спецуправление по спецвоспитанию с целью спецкоррекции моего поведения. В строго назначенное время я пришел в известное в городе спецздание, где хранилась копия мощей под кодовым названием «железный феникс». Удостоил меня чести быть принятым сам Главный Полковник. Он говорил, что нашему обществу нужна мыслящая, а не замышляющая интеллигенция, что нам, советским людям, нужны евреи, но — правильные братские евреи.

— А если будешь гнать волну буржуазного национализма, будешь националистом-сионистом, то мы тебе три года лагерей в героическом Комсомольске-на-Амуре обеспечим. Если враг не сдается, то мы его сдаем. В исправительные органы, где ему дают направление мыслей путем вправления мозгов. В коммунизм ты все равно попадешь, но только в общем задрипанном вагоне, а ведь можешь же в купейном, как уважае-

мые люди, — тут он хищно улыбнулся, как сейчас помню, это была единственная улыбка за все время пятичасовой беседы, — но мы тебя перевоспитаем. Отсидишь, поправишься, научишься строем ходить, потом поступишь на свой юридический факультет, а лучше — на славный исторический. Станешь народным академиком исторического фронта. Будешь преподавать историю партии на благо подрастающего поколения, на радость своим родителям, между прочим, честным труженикам, — подчеркнул он многозначительно. — А если поступишь в Литературный институт имени нашего Сладкого, то сможешь со временем стать нештатным лауреатом премии имени Галины Борисовны Советского Социалистического Союза. А это все-таки лучше, чем с диагнозом «вялотекущая шизофрения на почве неприятия биробиджанской действительности» рываться на философский факультет.

Мне в этом стыдно признаться, но тогда в моих глазах появились слезы. Было обидно: ведь я ничего плохого не замышлял, а если у меня иногда и ехала крыша, то совсем по иной причине: она бывала в пути от девчонок и от красавицы Биры. Да я даже и не был интеллигенцией, я работал на заводе слесарем и учился в вечерней школе рабочей молодежи. Более того, я, как и Полковник, относился к интеллигенции с подозрением. Я вообще-то знал это слово из одной интермедии Аркадия Райкина, которую постоянно передавали по радио по воскресеньям

после «Пионерской зорьки» и после экстренного сообщения о Чомбе и Мабуту. Мне чужд был национализм, к тому же мелко-мелкобуржуазный и мелко-мелкосоциалистический. Я вместе со своими друзьями хотел только одного, чтобы в нашем городе был университет. Хотя бы один. Скромненький такой, небольшой университетик. Например, как в Тарту. Убейте меня, если мне в самом страшном сне мог присниться «Еврейский университет». Что скрывать, мы слышали не по вражескому радио, которое вещало то ли из Сеула, то ли из Сайгона, мы читали в газетах, которые были органами партии и по совместительству органами тех самых органов, которые были органами партии, что во многих других городах нашей необъятной страны, славных центрах национальных автономий были высшие учебные заведения и университеты. И даже в Израиле, этом форпосте утопического сионизма, было несколько университетов. А мы-то, думалось, не хуже других, тем более мы впереди планеты всей по выплавке чугуна и стали на душу и на лицо — таково было своеправное течение недозрелой мысли. Но почему у Полковника и у его местной конторы возникли подозрения про опасные мысли, которые завелись в наших головах? Хоть убей, до сих пор не могу понять, почему эти мысли были опасными? Тем не менее контора приступила к профилактике. Началось вживление чипов в голову, или, как сейчас модно говорить, началась «заточка мозгов».

Однако процедура оказалась не столь простой, как хотелось Полковнику. Я спровоцировал осложнения, сам того не желая: дело было в том, что в это же время в письме одному своему далекому знакомому я изложил одну нехитрую мысль, что наша страна представляет собой так называемый «черный ящик», то есть некую систему, устройство которой нам неизвестно, но результаты ее работы нам известны. Об этом «ящике» применительно к кибернетике я прочитал в журнальчике «Юный техник»; в статье речь шла о моделировании человеческой психики и «черным ящиком» назывался орган сознания — мозг. Для меня было интересно, во-первых, почему письмо, посланное в далекий город, находящийся на другом краю Евразии, оказалось в руках полковничьей организации? Меня успокоили, сказав, что письмо было утеряно адресатом и какой-то бдительный и патриотический гражданин принес его куда надо. Во-вторых, я не мог принять странное обвинение в клевете на нашу действительность посредством «черного ящика». Ведь последний означал нечто вполне приличное. Видимо, для Полковника «ящик» связывался с чем-то нехорошим, видимо с ящиком Пандоры или с сундуком Кощея Бессмертного. В конце концов, что конкретно он имел в виду, я так и не узнал, но реакция на использование этого словосочетания была непомерно болезненной. Эта научная метафора, канючил я, используется

в кибернетике, но был резко предупрежден о последствиях своих заблуждений и ящикопандористости.

Трудно сказать, где проходила граница между истиной и заблуждением, но каждая сторона в том незавершенном споре осталась при своем мнении. Уже нет на свете Советов и антисоветскости, нет уже на этом свете и Полковника, но кибернетика со своим «черным ящиком» живет и процветает, в том числе и в Биробиджане. Кстати, спустя двадцать лет после этих событий в городе моей мечты был основан педагогический институт, в котором стали готовить учителей по этой самой компьютерной грамотности. А это — самое главное в этой истории.

О ЖЕЛАНИИ ЖЕЛАТЬ ПО-БИРОБИДЖАНСКИ

С Полковником меня через пару лет еще раз свел случай, произошедший в белокаменной, когда я в очередной раз приехал к своему приятелю. Ничто не предвещало опасного поворота судьбы, если бы мой друг спокойненько сидел на печке в своих Черемушках и грыз медовую коврижку. Однако он возьми да пойдя на всемирный исторический конгресс, который проходил в Главном Университете. До сих пор не знаю, благодарить его или нет. На этом конгрессе, вернее в его кулуарах, я купил несколько книжек, которые потом были запрещены для чтения нашим бировиджанским людям. Купил я там также журнал «Америка». Вернувшись в родной город, я зашел на почтамт в отдел «Союзпечати» и попросил подписать меня на заинтересовавший журнал. Работницы отдела не на шутку всполошились и, видимо, дали знать об этом Полковнику.

Через некоторое время меня опять вызвали на установку чипов. В этот раз я был поражен тем, как блистательно информирован Полковник о разных частностях моего пребывания в столице. Он сбил меня с толку, когда спросил, о чем я говорил с одной восхитительной американской барышней лет тридцати — участницей вышеупомянутого конгресса и стажеркой Главного Университета. Я был ошеломлен. Мы и на самом деле с ней говорили. Говорили захлеб!

О мемуарах маршала Жукова, о замечательной, а для кого-то скандальной, книжке Некрича, о пастернаковских переводах Верлена, о чувственности, не знающей госграниц и нацпреград. Говорили и о различии в человеке чувственности и чувственного начала в духе Кьеркегора: мол, если первая исходит от тела, то второе больше связано с духовностью. Да, мы о многом говорили, но откуда об этом знает Полковник, не имеющий вообще никакого представления о датском эротомане? Удивление мое зашкалило за опасную черту. Полковник играл с огнем: я думал о том, что, с одной стороны, Биробиджан находится далеко от Москвы. С другой стороны — то, о чем спрашивала шепотом прелестная дева, слышно было даже в затерянном в тайге родном городе.

Я думал о том, как здорово, что самое далекое оказывается самым-самым близким! Испепеляющее чувство гордости пришлось по мне от макушки до пят: наш город имеет со столицей столь тесные контакты, что, если ты даже отъехал от своего родного штетла, ты все равно на виду: родина слышит; родина знает. Человек не брошен на произвол судьбы, он не одинок, за ним всегда присматривают, его всегда в трудную минуту вытащат из омуты инакомыслия. Я подозреваю, что у Полковника уже тогда был Интернет и цифровые камеры видеонаблюдения, но от народа это скрывали. И вот, по прошествии стольких лет, в минуты тяжелых раздумий ко мне приходит бедная искалеченная мысль: ну зачем

проявлялось столько заботы о биробиджанцах, ищущих по всем сусекам журнальчик о загадочной стране, зашедшей в исторический тупик. Зачем, в конце концов, в общежитии гостиничного типа в Главном Университете были понапряганы подслушивающие устройства мирового уровня? Зачем столько прыти было проявлено искусствоведами в штатском для того, чтобы душить души свободные порывы? Поэтому, любя Биробиджан и все его органы, я все-таки не могу не сказать: государство обвинило кулаков в том, что они являются причиной бедности крестьян; государство обвинило интеллигенцию в том, что она является причиной распространения идеи космополитизма; государство обвинило неправильных евреев и неправильных русских и всех остальных неправильных в том, что они являются разносчиками демократии и свободы. Однако и этого ему показалось мало. Оно, заставившее трепетать каждую птаху по ту и эту сторону Великой Берлинской стены, обвиняло провинциального недоросля в подрыве основы основ — в стремлении иметь какие-нибудь нетривиальные стремления. Даже сейчас, когда я приезжаю в Биробиджан, поглядываю на романтическую сопку любви, где мы однажды с Люсей собирали дикий виноград. Я только сейчас, наконец, понял, что нас, людей, отличает от всей остальной живности желание желать...

ОПАСНЫЕ ИГРЫ СО СЛОВОМ

Разумеется, была в Биробиджане литературная жизнь. Она манила, привлекала, что-то обещала, она была тайной. Почти как девчонки. Поэтому на излете юности я стал карябать вирши о радостях бытия. Дело дошло до того, что в любимой городской газете было напечатано стихотворение о состоянии моей души, когда она впервые прикоснулась к самому синему морю. Это был своего рода донос на самого себя. Это был документ, в котором не было ни вымысла, ни смысла, а была одна эмоция. Это был романтический реализм, выстраданный на диком пляже Анапы. Спустя некоторое время в городе проходило выездное собрание краевой писательской организации, на котором обсуждался, в числе прочих, вопрос о впуске свежей молодой крови в автономный областной литературный процесс. Выступали партработники попеременно с литработниками, было благородно и торжественно.

В числе прочих выступил известный в городе журналист Бенцион Флистер. Он начал с вопроса, обращенного как бы в никуда, но бьющего прямо в сердце. Вкрадчиво-медленно он спросил: к какому морю зовет этот якобы поэт, этот неудавшийся бич-бой? После постановки вопроса он быстро-быстро заговорил об идеологической близорукости и вопиющей безответственности, которую проявили товарищи из уважаемой газеты со славными традициями, напечатавшие

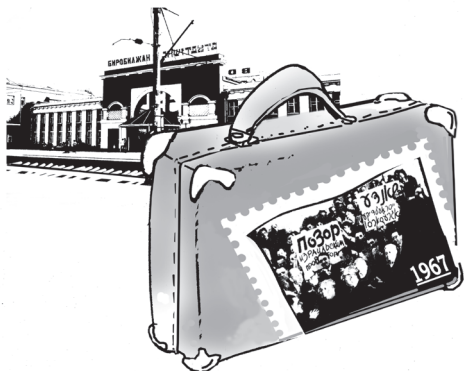
политически вредное стихотворение и ударившие лицом в грязь. Разуьте глаза, выкрикнул Флистер, там речь идет совсем не о том якобы нашем самом синем море, которое воспеваает этот виршеплет, а о том море, к которому зовут незрелых советских людей обманщики-сионисты. И автор этого политически опасного стихотворения их послушное орудие. К нашей горечи, прикрываясь хорошими словами, как волк искусственной овечьей шубой, автор фактически становится на позиции реакционного реализма, больше смахивающего на буржуазный вульгарный романтизм. Чего стоит, например, постоянно прочитывающаяся между строк и даже изредка мелькающая в строках некая девчонка. И кто она такая, эта Люся? Чего ей нужно в этом стихе, в таком бесстыжем купальном наряде? Неужто автор хочет пустить нам всем пыль в глаза и протащить жалкую идейку реакционного литературоведения о связи юношеской гиперсексуальности с текстуральностью посредством гиперлингвизма? Я вам скажу, что это даже не стихотворение, а какой-то протокол заседания воображаемой секты типа «за секс без насилия» или «за секс по любви». Но это все для прикрытия. Все это пишется для того, чтобы провести крамольную мысль о том, что рано или поздно, но ехать-таки придется!

В почти загробной тишине Бенцион открыл страшную разоблачающую мировое зло тайну: в стихотворении речь идет отнюдь не о Черном, а таки о Средиземном море. Вывод напрашивал-

ся сам собой; так получилось, что мы, он имел в виду себя и других честных биробиджанских людей, имеем дело с идеологической диверсией, а этот автор-таки не наш человек. Отнюдь! Он — замаскированный прихлебала тель-авивских политических гангстеров. После всех этих разоблачений наступила тягостная тишина, которую нарушил мой старший друг, громко сказавший, что Флистер несет бред. На него кто зашикал, кто улыбкой и смехом поддержал. Я стал проваливаться в бездну от стыда, от внимания, от разоблачения, не оставившего для меня никакой надежды достойной каплей свежей крови быть впрыснутым в биробиджанскую литературу. А стыд, что обо всем узнает Люся, пожирал меня. Оратор вывел меня на чистую воду еще неведомого мне моря, что имело некоторые последствия: я не хотел больше писать стихов и стал остывать к Люсе. Я оказался ее недостойн. Чуть позже стал задумываться о том, что если этот идеологический тигренок такой выдумщик, то, быть может, Средиземное море и примкнувший к нему Израиль не так уж и плохо. Тем более что Средиземное море, весь его ареал — место обители богов, место, в котором родилось феерическое кулинарное искусство, не дающее мне покоя по сей день.

Через несколько лет Бенцион Флистер написал блистательный очерк о развитии международного культурного сотрудничества в рамках формирующейся оси: «Хабаровск—Биробиджан—

Бердичев—Хайфа». Затем, уже как постсоветский человек, он укатил-таки к тому морю, к которому я не звал. Туда его позвали больные кости и историческая память. Впоследствии, размышляя о странностях географических предпочтений, я пришел к выводу, что этот добряк Флистер, назначенный быть «правильным», проиграл холодную войну, но преференции все-таки получил. Холодную войну для него выиграли другие, чтобы он мог на старости лет греть свою душу на песчаном пляже лечебного моря. Не будем прислушиваться к злым языкам, утверждающим, что он загребал жар чужими руками и каштаны из огня для него таскали другие.

О ПРАВОПИСАНИИ ПО-БИРОБИДЖАНСКИ

Однажды самые молодые участники литературного объединения при городской газете были приглашены самым главным секретарем обкома партии на творческую встречу. В ходе мягкого и дружеского разговора о литературе, планах, книгах, мечтах обнаружили и расхождения по некоторым эстетическим и стилистическим вопросам. В частности, идеологический помощник секретаря, взявший на себя львиную долю забот по ведению встречи и, видимо, находящийся на оперативном задании бойца невидимого фронта, заявил, что в некоторых моих стихах неправильно расставлены акценты и смысловые моменты.

«Вот послушайте, — сказал он, профессионально поигрывая желваками. — «А на закате дня река горела, / Она багряным светом землю грела, / На перекатах что-то бормотала, / И видно было, что она устала». Мы же считаем, что правильнее было бы завершить строфу по-другому: «река бежать в долину не устала». Отнюдь. Скажем же со всей нашей партийной откровенностью: нам нужен социальный оптимизм, а не упадническая констатация факта, так сказать, течения реки, факта течения, так сказать, всей нашей жизни, чтобы ей, так сказать, сопутствовала усталость. Далее, — сказал он с обеззараживающей и обезоруживающей улыбкой, такая же светящаяся

улыбка висела на задумчиво-интеллигентном лице секретаря, — мы не против, так сказать, конструктивной социальной критики, но то, что вы пишете, содержит в некотором смысле, так сказать, необъективную двусмысленность, например: «Ильич умирал — давали обеты. / Носили имя его у сердца. / Прошло полвека — дают обеды. / Вокруг чинуш — официанты вертятся». Это, на наш товарищеский, так сказать, принципиальный взгляд, непозволительное обобщение, это называется отступлением от завоеваний социалистического реализма, а именно с этого начнутся, если уже не начались, известные неприятности в нашей, так сказать, Золотой Праге. Зачем будоражить сознание масс? Зачем отдельные отрицательные недочеты нашей внутривнутрипартийной и внутригосударственной жизни превращать в объект общественного внимания? Зачем нам, когда мы в великом общенародном порыве выполняем пятилетку за пятилеткой и даже подумываем, так сказать, о семилетке, социальные потрясения? Вы задумывались о степени ответственности художника перед народом, перед партией, перед, так сказать, историей? Почему бы вам, так сказать, поэтам и прозаикам, не описывать все хорошее в нашей жизни, в которой всегда есть место, так сказать, подвигам? И, наконец, что это значит? С какого бодуна эти ваши галлюцинации? Конечно, можно быть равнодушным к сухому вину, к слову сказать в Одессе доказали, что оно полезно, по крайней мере безвредно не-

большими дозами в любом количестве. А, по мнению специалистов, даже в Торе слово «вино» по частоте употребления занимает второе место. Но зачем идти вразрез с самим духом Биробиджана, с самой сутью нашей политики в деле воспитания атеистического сознания у братского еврейского народа в семье новой общности остальных братьев и сестер! Зачем нам дополнительная головная боль? Вы только послушайте: «Голубая звезда Давида, / Ты страданиями перевита...». И это пишет молодой человек, комсомолец, атеист, сын коммуниста, участника войны и честного труженика, племянник своих одного и другого дяди, которые почти герои, так сказать, труда! Вы что перегрелись в свое время на анапском пляже, если несете всякие выдумки, что в двадцать первом веке на нашей восхитительной тополиной улице имени Ленина будет построена новая синагога и будет возведен великолепный православный храм? Конечно, всякие фантазии имеют свои причины, против психоанализа нет приема, но причем здесь улица нашего, так сказать, Ленина? Ведь, если на то пошло, есть много других улиц. Потом в какой макулатурной лавке вы взяли этот календарь, что он нам может так сказать? «Листаю желтый календарь / Давным-давно былого года / И узнаю, какая встарь / Звезда светила с небосвода». Зачем вам эта память, когда мы все вступили в новую эру? Высокое начальство смотрело на меня с небосвода, с укором, способным разбудить нехстати уснувшую совесть.

Что оно еще говорило — я не помню, но многое из того, что я запомнил, — оно не говорило. И не скажет уже, так сказать, никогда.

Сейчас можно спросить: была ли польза от разговоров с властью? Была! Ведь спустя несколько лет после той «исторической» встречи, прочитав в знаменитой газете «Голос Родины» огромную статью под названием «Простодушный и продавшийся», где речь шла соответственно о Сахарове и Солженицыне, я не поверил голосу начальства. В голосе Родины звучали иные нотки. Родина не могла назвать Андрея Дмитриевича идиотом, то есть простодушным... И вообще, голос Родины и голос начальства, как говорят аборигены одного великого южнорусского города, — это две большие разницы.

В БИРОБИДЖАНЕ НЕ ПИСАТЬ СТИХОВ БЫЛО НЕВОЗМОЖНО

Большой радостью для нас была поэзия. Ведь, как известно, поэзия начинается от человеческой устремленности к тому, что тебя превосходит. Я сейчас понимаю, почему мы кинулись в этот бездонный омут: поэзия позволяла нам дистанцироваться от круговерти мук, которые извергались из вихрей телесного хаоса. И, превращаясь в нормальных юношей, мы устремились ввысь. Этому способствовал Владимир Маяковский. Поэт нас влюбил в Революцию и Романтизм. Трибун нас позвал на баррикады, а сам ушел в смерть. А мы еще на какое-то время на этих баррикадах подзадержались. Но он же нам показал, что ничего плохого нет в вине, во влечении к прекрасной даме, например к Люсе, во влечении народов друг к другу, например России к Латвии, а Эстонии к России. Конечно, он перегнул с этим залихватским: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» Его несколько оправдывает то, что это написал Александр Блок, но я думаю, что тот написал по настоятельной просьбе самого Владимира Владимировича. Конечно, он переиграл с этим «ваше слово, товарищ маузер». И если слова играют поэтом, вместо того чтобы поэт играл словами, значит, игра слов и его самого привела к столь трагическому финалу. Действительно, если поэт играет маузером, то и маузер может поиграть... А кто тогда знал,

сколь опасно такое разнузданное милитаристское непотребство для будущего поколения? Кто знал, что в наши дни его потомки забудут поэзию и без «пушки» даже в сауну ходить не будут? Но поэт всегда перегибает; без надрыва, порыва, подрыва, прорыва поэта не существует.

Поэт — это экстремист. В любви, в революции, в дружбе, в телесной страсти, в политическом пафосе, в эстетическом бунте, милитаристском зуде. Быть другим — значит не быть поэтом. Мы были восхищены, когда он писал с рабоче-крестьянской нежностью: «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне красный цвет моих республик тоже должен пламенеть!». Ну, что можно после всего этого сказать тем нашим согражданам, которые не могут прийти в себя после Беловежской пущи? Что может утишить их боль от несостоявшегося эротического обладания? И он же оглушил нас откровенно хулиганским признанием: «Ночью хочется звон свой спрятать в мягкое, в женское». Всей своей молоткасто-серпастой страстью поэт-главарь, поэт-горлан объявил на весь крещеный и некрещеный мир органичность притязаний революционного Эроса. Мы с трудом приходили в себя от этой незамысловатой правды и от возможного симметричного ответа другой стороны, например: «ночью хочется в свое темное безмолвие спрятать мужское, твердое, звонкое». Если первое для нас было более чем понятно, то второе было непонятнее самого непонятного. И ввергало нас в трепет. Не мудрено, что другая

сторона, наши девочки, превращавшиеся в женщин, Маяковского не любили. Они еще не дозрели до революционного трепета и не созрели для романтического лепета. Особенно — Люся. Что он мог им дать? Что они могли у него взять? «Мария — дай!»? И это при Люсе. Стыдно даже цитировать.

Я и по сей день считаю, что Маяковский — поэт для настоящих мужчин. Я думаю, если бы великий поэт приехал в Биробиджан или хотя бы посетил его проездом, то он бы не застрелился никогда.

А мы к девочкам и к Маяковскому испытывали нежность, ведь он был и таким:

Лапки елок, лапки, лапушки
Все в снегу, а теплые какие,
Будто в гости к старой доброй бабушке
Я вчера приехал в Киев.

После таких строк я еще сильнее любил Биробиджан. Потому что эти стихи были как бы про меня, мою бабушку и наш Биробиджан.

А еще говорят, скажи, кого или что ты любишь, и я скажу, кто ты есть.

* * *

А на закате дня Река горела,
Она багряным светом землю грела,
На перекатах что-то бормотала,
И видно было, что она устала...

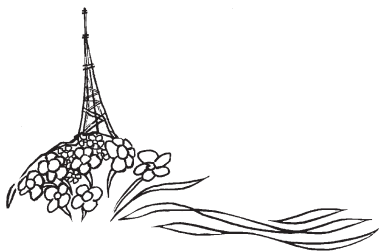
1968

* * *

Бежит Река — себе она равна,
 простору дня и свету ночи.
Лишь бездне мироздания верна
 и облаку, разорванному в клочья
 далекою грозой...

Бежит...
 свобода не ее забота.
Ей не нужны трескучие слова.
Ее забота — горькая трава
 забвения — неслышная работа...
Бежит... и никому не отдает отчета.

2008

СОДЕРЖАНИЕ

СТАНЦИЯ БИРОБИДЖАН ВПЕРВЫЕ / 5
БИРОБИДЖАН В СЕРДЦЕ МИРА / 7
ПЕРВЫЕ БИРОБИДЖАНСКИЕ РАДОСТИ / 12
В ПОИСКАХ БИРОБИДЖАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ / 18
БИРОБИДЖАНСКИЙ ПОВОРОТ ПОЕЗДОВ ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ / 28
КОЕ-ЧТО О БИРОБИДЖАНСКИХ ЖУРНАЛИСТАХ / 44
СОМНИТЕЛЬНЫЕ РАДОСТИ В БИРОБИДЖАНЕ / 47
НЕСОМНЕННЫЕ РАДОСТИ НАШЕГО ДЕТСТВА / 51
НАЛИВАЛИ ЛИ В БИРОБИДЖАНЕ? / 56
ГОРОДСКИЕ ЧУДИКИ / 59
БИРОБИДЖАН КАК ЖЕРТВА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ / 65
БИРОБИДЖАН В ОГНЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ / 73
КИНО НАШЕГО ДЕТСТВА / 80
ВТОРЖЕНИЕ ИЗРАИЛЯ В БИРОБИДЖАН / 83
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ЕВРЕЙСКОЙ ОБЛАСТИ / 86
КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ В БИРОБИДЖАНЕ? / 89
О ЖЕЛАНИИ ЖЕЛАТЬ ПО-БИРОБИДЖАНСКИ / 97
ОПАСНЫЕ ИГРЫ СО СЛОВОМ / 100
О ПРАВОПИСАНИИ ПО-БИРОБИДЖАНСКИ / 104
В БИРОБИДЖАНЕ НЕ ПИСАТЬ СТИХОВ БЫЛО НЕВОЗМОЖНО / 108

Илья Михайлович Ревич
Биробиджанские грёзы

Художественный редактор *В.П. Буря*

Редактор *Г.Н. Морозова*

Корректор *М.Н. Галова*

Издательский дом «Частная коллекция»

680020, Хабаровск-20, а/я 104/4. www.dvbook.ru

Отпечатано в КГУП «Хабаровская краевая типография»

Заказ № 1008. Тир. 500 экз.